EUROPA ORIENTALIS 6 (1987)

НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ*

ПЕРЕПИСКА А. РЕМИЗОВА С С. РЕМИЗОВОЙ—ДОВГЕЛЛО

Подготовка текста и комментарий
А. Д'АМЕЛИЯ

ХЕРСОН

Сезон 1903 до поста 1904 г. в Херсоне с Театром.[1] С поста 1904 перекочевали в Одессу, а в мае в Киев. "Заведывание репертуаром" оказалось шире, чем я думал. И в начале я совсем растерялся: в мои обязанности входила и корреспонденция и отправка на почту. Заниматься своим не оставалось времени. Вспоминаю это время, как тягчайшее.[2] Тем более, что для театра в прямом смысле мало чего было сделано. Провинциальные требования, Херсон не Москва, приглушили и пыл Мейерхольда. Херсонским сезоном и кончилось мое театральное. В Николаев я ездил, а в Тифлис отказался.[3] И начинается наша одесская страда.

Херсон 1903 28 сент. около 8

Стоит тебе уйти, как на целые 3 рубля без гривенника нотов накупил; выписал все сочинения Стефаника;[4] грушев и яблоков у турки взял, и, наконец, объелся. Ты, наверно, так и думала. И как в театр пойду: колики.

Принялся за варенье — из твоей чашки пью.

Знаешь, я вдруг испугался: не сказал ли чего обидного А. И. [Александра Ивановна Киенская, актриса] словами: "а я

людей согреть хочу, — помялся, — чересчур!" Взглянул раза два на тебя, спрашивал: "так ли?"

Тема: что на измученности ростет: одна ли отчужденность и замкнутость.

Иду в театр. Буду за каждым своим жестом следить. Я не хотел, не хочу тебя хоть тихонько толкнуть, не хочу.

"Без ошибок", из грешных самый грешный.

Поиграй [на рояли], если не поздно Чайковского "Ни слова".

"Козу рогатую" строю "ышками" [?] и тебе, моя перегорюнившаяся "сойка". (Не смейся, это сегодняшнее название). Будем Пшибышевского переводить[5] ["Снег"], и на рояли меня научишь?

Херсон 1903 октябрь

Так ужасно холодно. Пошел к переплетчику. Зайду к Антрепренёру, отдам "Строитель Сольнес" [пьеса Ибсена[6]] а оттуда домой. Ты и вернёшься. Пишу в перчатках. Должно быть, П. Е. Щеголев[7] всегда пишет в перчатках [особенно неразборчивый почерк].

[Подпись]. Это я так в детстве подписывался.

Если сядешь переводить, пиши разборчивее, а главное выделяй т. н. "красную строчку".[8]

Скоро приду. Совсем замерз.

ОДЕССА

О нашей жизни в Одессе нет никаких документов.[9] В Одессу мы переехали из Херсона по окончании театрального сезона ранней весной 1904 г. Жили мы на Молдаванке в крайней бедности.[10] 18 апреля родилась Наташа.[11] В конце мая С. П. поехала с ней в Берестовец, а я в Москву (нелегально).

Не было со стороны никакой помощи. Не было и заработка. К рождению Наташи мы жили под угрозой хозяйки, у которой снимали полторы комнаты, выгона с полицией: иди, куда знаешь.

Необходимо объяснить, почему все так вышло и откуда такая бедовая крайность.

Берестовец — весь род и родственники Довгелло — были против замужества С. П. Я представлялся им чем-то — да и допустить нельзя было, чтобы я вошел в их дом. С. П. — с ее волей и "честью" [теперь это слово потеряло всякое значение] отказалась от всяких денег, оставленных ей по завещанию от отца, и от своей доли во владении землей. С семьей она не разорвала связи — она любила мать, сестер и брата — но со всякими "делами" она кончила раз и навсегда.

А о себе скажу: 18 ноября 1897 г. — роковой для меня день, — арест и Таганская тюрьма.[12] И потом ссылка в Пензу. Я был, как вычеркнут, а имя мое произносилось, как позорное. Я сохранил связь с матерью и братьями.[13] Но старший брат, когда-то из всех привязанный ко мне, был на стороне старших. Обращаться к нему за помощью было бесполезно.

Акушерка имела какое-то отношение к с.-р. Она рассказала о С. П. и вскоре, как появилась Наташа, к нам пришла Лиля Сапожникова. Её послала Анна Марковна Сухомлина (мать Вас. Вас.[14]). А крестным Наташи был Вс. С. Лебединцев.[15] [Один из 7-ми повешенных Леонида Андреева].

МОСКВА [нелегальная] [без прописки]

Ликвидация пензенских хвостов, не совсем, но все-таки. Нажигаюсь в редакциях. Брюсов, Вяч. Иванов, Весы-"Скорпион"[16] (Поляков[17]), Правда[18] (Кожевников). Ничего не устроил. Одни обещания. Невеселое время и надоедливо околачиваться по дачам. А С. П. во Берестовце с Наташей.

И к "революционерам" не подхожу,
и к "полиции" не подхожу,
и к "Весам" ("декаденты") не подхожу,
и к "Правде" ("большевики") не подхожу,

ещё остается Петербург, наперед скажу, и у Мережковских я не свой, да и они не по мне, вместе с Чулковым и с их фальшивой "религией".[19]

Музыка

Свидание с умирающим В. С. Лебедевым. Его рассказ о червях и пауках.

Москва 22 мая 1904 Брянский вокзал суббота

Брянский вокзал без 10-и 12-ь дня. Без приключений, благополучно. Подробности письмом. Целую Наташу.

Москва 24 мая 1904 15' 2-го н.

В 11-ь утра отправился с Сергеем в "поход". Забрал папку. Зашел в "Труд".[20] Взял за счет В. Мейерхольда "К свету"[21] и новый перевод Бодлера.[22] Купил калоши. Но уж до костей вымок и иззяб ужасно. Дождик.

В "Весах" встретил Брюсова. "Иуда" будет напечатан непременно.[23] [Никогда не появился в "Весах"]. А "Иуда" Каспровича, наш перевод, в "Новом Пути".[24] [Нигде не появился и рукопись пропала]. Говорил о "Пруде"[25] Брюсов сказал, что "Новый Путь" "любит печатать бесплатно": 200 рб. ни в коем случае не дадут, 50 р. и то с натяжкой. Редактором "Нового Пути" с августа будет Д. В. Философов.[26] [Никогда не будет]. Секретарь Г. И. Чулков,[27] с ним мне и придется разговаривать о "Иуде" [Каспровича]. О киевской выставке и о Никише[28] в "Весах" не напечатают, а только "Нам сообщают из Одессы"[29] Завтра иду в 6-ть на собрание "Весов" знакомиться.

Был на Бирже. Виделся с Николаем [Ремизов, секретарь Биржевого Комитета]. Взял у него 5 р. на "Весы" и 7 на "Новый Путь". Напомни рассказать о "подъемной машине". [Не помню]. Чуть было не наскочил на Н. А. Найденова [Председатель Биржевого Комитета[30]].

Был у Н. П. Суворовского[31] [племянник В. С. Лебедева — регента].

Читал "Пруд".

Ида [Федоровна Ремизова] и Виктор[32] спят. Спит и Н. П. Суворовский. Холодно у них страсть. Сижу один.

Получил твою открытку. Жду еще.

Петь не пришлось. У Виктора нет пьянина [на даче], хотят взять, да меня уж не будет. С переменой места "живот болит".[33] Говорю Иде, почему она надевает пенснэ, когда на горшок садится? (Помнишь, у нас, в Киеве?) А она свое: почему у

меня всегда живот болит? Заступись за меня: да разве у меня так часто (всегда?) и болит! Мечтаю, когда тебе удастся тут быть со мной! Все хорошо складывается. И "причина" твоей неловкости устранится.

Не скучай. Уж приеду, расскажу тебе разных россказней. С Виктором и Идой спит черный кот. Я, конечно, "врал" — так называется, когда сочиняю вымышленные истории — было много хохоту. А вот у ваших, если бы случилось быть, мог ли бы я так вести себя? [Конечно, нет]. Наверно, съежился бы. Ида прибавляет к словам "же" как пишут начинающие и особенно писательницы. Кланяются вам: Ида, Виктор, Суворовский.

Москва 1904 25 мая

Поднялся в 9. Серое небо, мелкий дождь — подмосковное. А поднялся от приторного запаха, крутился помадой в носу: кошка Бобика [Борис Ремизов] наклала у меня в головах кучу. И в голову не придет, а ложась спать, я и кошки не заметил, да и хороша кошка: выбрать местечко! За чаем читал *Requiem*. А в 12 поехал на разведки.

В "Правде" познакомился с Кожевниковым, редактор-издатель. "Мое слово" Стефаника и "Гостей" Пшибышевского не напечатают.[34] Как быть, я предложил *Иерузалема*,[35] Суждения, а взят ли он художницей [?] — не напишешь ли Вале, узнай, где рукопись. Может, в Одессе? Отсылаю завтра в "Правду" — "О японской гравюре"[36] [Напеч. в Вопросах Жизни, 1905] — ее вернули из "Скорпиона". Большой был спор в "Правде" — нет, там мне не место.

Ходил с Суворовским к В. М. Саблину[37] : нет дома. В 6-ть в "Весах". С утра ни крошки во рту — легко, но жидко. А разговору много. Больше о музыке. У меня же с Вячеславом Ивановым[38]: он в восторге от моей мечты "о театре". Только — и это меня всегда останавливает - как эту мечту осуществить и, может быть все это хорошо в мечте? "Северные цветы" № 4 [ассирийские[39]] кажется, выйдут в конце года. [Вышли в 1905 г.]. Обещают издать мои "стихи" [Шурим-бурум,[40] что впоследствии Брюсов назовет "парчевой заплатой"[41] и Скорпион не издаст], а "В плену" — отдельно.[42] [Никогда]. Брюсову очень нравится А. А. Маделунг,[43] его "Сансара" и "Цвет познания" пойдут в "Северных цветах" № 4 (Ассирийских) 1905. [Появились].

Едва нашел дачу Виктора, плутал. А сейчас хорошо, тучи рассеялись.

Прости, что бумага измаслена. 10 ч. в. Жду обеда. Ждем Иду. Бобик толкается. В первых числях (2-3 июня) увижу П. Е. Щеголева [в Петербурге], оттуда в Вологду. [Возможно, что "Вологда" для конспирации, ведь, в Петербург собираюсь нелегально].

Еще не был у Mutter'a[44] [Мария Александровна Ремизова Найденова]. Она все перепутала: Наташа родилась будто у Сергея — так она решила. Ну, кажется, идет Ида — жрать ужасно хочется.

Вышла "Химера" № 19, постараюсь купить.[45] Думаю занять рублей 300. С Виктором говорил, поговорю с Сергеем. Устал страшно. До свидания. Наташу целую. Виктор и Ида кланяются.

Москва 1904 26 мая 7 ч. в.

С утра переписываю III ч‹асть› "В плену". Прервал знакомый офицер. "Для разговора" расспрашивал его о войне и просил рассказывать свои предположения. Завтра попаду с Виктором в город, зайду к Брюсову. Думаю теперь же отдать "В плену", чтобы напечатали осенью. [И не подумают]. А "стихи" [Шурим-бурум], "Иуду" и др. после 2-ой книжкой. [Ни Ш-ой не будет, ни ШШ-ой]. Если удастся у вас [в Берестовце], а то в Киеве первым делом этим займусь.

Виктор принес телеграмму от В. М. Саблина: завтра к нему в 11-ь ч. Письмо от А. А. Маделунга. Прилагаю. Напиши о судьбе денег. Если дойдут, то очень хорошо будет. До 11-ти читал Бодлера. Починил с Виктором кушетку. Спать ложусь. И опять дождик. Наташу целую.

Москва 1904 27 мая без 20' 6-ть

Поднялся с 7-и. И с Виктором на вокзал — дача от вокзала полчаса быстрого хода. И в 11-ь попал на Поварскую к Саблину, а Саблина нет дома, "уехал на дачу". Очень мне было досадно и к чему тогда еще и телеграммой назначать! [Саблин сошел с ума]. Пошел в "Весы" — никого нет. Повернул назад - на Никитскую к Вяч. Иванову — спит. С час бродил по улицам. Наконец, Вяч. Иванов поднялся. Очень интересный человек. Познакомился я с его женой — Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал.[46] Взял ее драму "Кольца", I-ый акт. От Вяч. Иванова,

было около 3-х, опять в "Весы". Виделся с С. А. Поляковым. О "Сынах земли"[47]: Пшибышевский прислал в "Скорпион" перевод не только I и II, но и III-ей части, которая по-польски появится позже. Поляков заметил, что в нашем переводе есть ошибки; ему было очень неловко возвращать мне рукопись. [Конечно, никакой неловкости не было, а о III ч‹асти› — выдумка и никакого перевода Пшибышевский не присылал, переводил Пшибышевского "свой человек" М. Н. Семенов[48]]. Оставил "В плену": напечатают в ноябре. [Держи карман шире, напечатают!] Брюсов приглашал на вечер, но я так устал, и вот опять на даче у Виктора.

Надоело мне шататься, с каким бы удовольствием сейчас в "свою комнату" к столу. Едва ли тут что сделаю, поскорее бы в Питер, а оттуда дня на три в Вологду. Не могу я так "путешествовать"!

Брюсов говорит, что в "Новом Пути" (Мережковский, Гиппиус и Перцов[49]) "Пруд" не понравился. На меня набежала отчаянная полоса: где же его печатать? Ошибки поправила Ида, а я сшил. [Рукопись "В плену"].

Виктор принес твое письмо. Как я обрадовался! Потому и скучаю и уехать хочется. Думаю, как устроимся. Передай вашим поклоны. Очень меня огорчила твоя неосторожность, и раздосадовала. Ну, как это ты! — вот меня-то *не* было, нельзя без меня никуда тебе ехать! [Не помню].

На минуту будто ободрился — такое чувство было позавчера — а сегодня упал духом. Ида ушла гулять, пойду на террасу с Виктором посидеть. Береги ты себя, помни, что я говорил тебе.

Едва глаза глядят. Засну, как убитый. Когда сидел с Виктором, заходила акушерка. Я расспрашивал ее: "эндеметрит" может быть и у девушек. [Не помню, о ком].

Знаешь, слушал себя — ничего мне не надо, только тебя: со всеми чувствую себя совершенно одним.

Наташу целую.

Москва 1904 28 мая без 20' 12 ч. н.

Ну, перетревожился я за последний день. Не писал тебе; все надеялся на хороший исход. Я было паспорт потерял, и вот нашел. А как я тревожился и сказать нельзя.

Утром с Идой к ее отцу[50] [Федор Ив. Рюккерт]. Приехали в 11 ч. Зашел к Суворовскому. Посидел с его "дедушкой" [Василий Степаныч Лебедев]: находится в последних днях жизни. Говорили о жизни, о червях и пауках. Жутко стало: ведь черви его будут завтра есть. Поднялся наверх к Рюккертам, обедал, Суворовский играл "Anima sola", Ребикова,[51] Скрябина и Грига. Около 7-и с Виктором возвратились на дачу. Заболел живот: чем-нибудь обкормили! Жажда — все пью воду.

Думал. Нет, я ни к кому не подхожу: ни к "революционерам", ни к "Весам". Я один с тобой, и больше ни с кем. Все они ничего моего не прошли, им мое не родное, хотя и есть со мной общее.

По правде сказать, печатание и "Пруда" и "В плену" почти что безнадежно. На свой счет надо печатать. Хоть в том же "Скорпионе": *самому*. Дать денег, вот и все. А раз денег нет, помяни мое слово, ничего не будет напечатано. [В "Весах" — в "Скорпионе" ничего и не вышло].

В воскресенье с Сергеем о займе. Виктор ничего не может. Хорошо бы удалось! Возьму под вексель. [То есть так просто без обеспечения]. Завтра соберу тебе посылку. Наташу целую.

Готовлю — заказал у Рюккерта — золотой брелок: тебе в воспоминание о 18-м апреле [рождение Наташи 18. IV.1904]. В среду, наверно, поеду к П. Е. Щеголеву [в Петербург — нелегально], а оттуда в Вологду. Поклоны.

Москва 1904 29 мая

Опять дождь. Кажется, тут он никогда и не перестанет. А в крышу стучит ветер. Комната без обой, напоминает Устьсысольскую. Дверь на террасу обита войлоком. Будто уж осень.

Суворовский передал мне два № Правды.[52] Из одного выдрал "Иуду" [совсем не помню, неужто "Иуда", который в "Воздетых руках", М. 1907 или это что-то другое] и сделал бумажный переплет, а другой экземпляр надо отдать переплетчику. Не посылаю, а уложу вместе с Леклером [*К монистической гносеологии*. Изд. Д. Е. Жуковского, СПб. 1905] и выдранной моей статьей из "Весов".[53]

В посылку положу: два куска мыла "чередового". От "марсельского" кожа грубеет, вот я и купил для Наташи. Сборник "К свету". А медальон будет готов, когда возвращусь из Вологды.

Вечером все пойдут провожать: уезжает на войну знакомый Сергея. О деньгах говорить придется только ночью. О результате сообщу. Хочется все устроить поскорее. Главное, достать денег и уехать. Измытарило меня ничего-неделание.

С Идой не приходится разговаривать: она все уходит гулять. Сижу вечерами с Виктором: он пьет пиво и набивает папиросы.

Во вторник — обычно собрание в "Весах" — хочу поговорить с Брюсовым, сколько может стоить издание "В плену". Чувствую, необходимо напечатать, а то пойдет переделка за переделкой — остановиться не знаю, где — и все уничтожится, зачерствеет.

На Саблина и Н. А. Бердяева мало надежды.[54] Конечно, хорошо бы застать Бердяева в Киеве.[55] Думаю даже, в случае возможности приехать к тебе [в Берестовец] сначала списаться с Бердяевым и повидать его, а потом уж в Берестовец. Боюсь, уедет в Петербург.

Ты чувствуешь, стены подымаются не только от "революционеров" [Вологодская память], не только от Полиции [шесть лет в ссылке], но и от людей с глазом к искусству, с которыми есть общее.

Необходимо переселиться в Петербург, бросить Театр, но также необходимо и уединение под стать Устьсысольскому. А для уединения необходимо "создать себе литературное имя",[56] а оно может притти с печатанием крупного произведения. Может ли мне дать имя "Пруд". [С "Пруда" 1905 г., за который все ругали, стал я известен, только уж ни о каком уединении и мечтать нельзя было].

Прости меня, что был *наивным*. Это я к старому. Ничуть не жалею за резкость своих писем, ты догадываешься к кому? Вспоминаю про это, прося у тебя прощения: знаю из-за меня, тебе было больно. Да, я был *наивен*: я все сводил на себя и представлял себе, как бы я чувствовал, если бы со мною... Очень рад, что все так вышло и, спустя год, я убедился, что ты была права и моя резкость была уместна. А заметил я еще и это общее убожество.

До свидания. Напишу еще вечером.

Москва 1904 30 мая полтретьего ночи

Вчера не написал вечернее письмо. Ждал до 2-х ч. Сергея. Весь его дом поехал на проводы. Я оставался один, читал, и два "стихотворения" с запевом для Шурим-бурума: "Их было семьдесят и семь" и "Моя душа в отчаянии". Первое знаешь. [Не помню]. А второе — это мое чувство перед стеной, окружившей нас. Еще раз повторяю, "не понимают" и это все, с кем встречаюсь, не понимают мою душу и не слышат того, что ты слышишь, и не чуют.

С утра поэтический день. Суворовский, Вяч. Иванов, Л. Д. Зиновьева-Аннибал и с ними переводчица Ал‹ександра› Ник. Чеботаревская.[57] Суворовский аккомпанировал: пел Сергей, Л. Д. — жуткое контральто, ученица Виардо. Обедали. Принудили читать меня "Иуду".

Вяч. Иванов указывает на прорехи в форме и советует исправить "стих". Не знаю, как мне быть. Трудно исправлять из воздуха: надо какую-то зацепку. А то в роде совета: "поработайте". А как надо "работать" никто никогда не скажет.

"В плену" во что бы ни стало, возьму назад. Отдельной книжкой издать очень трудно: не пропустит цензура. Придется вместе с чем-нибудь, добавление. Уехали в 8 в.

Читал I ч ‹асть› "Пруда". Очень Сергей кипятился. Никак не может представить, что это не документ, а мое воображение, отзвук "эмпирической действительности", как сказал бы Бердяев. Монастырь и пруд, монахи с чертями и старец — моя душа, этого-то он и не может понять. Именно то, что ты понимаешь.

В заключение Суворовский играл на рояли :"Anima sola" и "Погребение". А теперь все спят.

Завтра вечером, закончив I ч‹асть›, начинаю II-ую. Во вторник в "Весы". А в среду к П. Е. Щеголеву [в Петербург]. Дорога 20 руб. Деньги обещал Сергей.

Жду от тебя. Что ты напишешь? Был Воробей, осматривал тебя? [В чем дело, не помню]. Наташе — "козу" долгую.

Москва 1904 31 мая

Зои[58] [Александрова Зоя Владимировна] адрес никак не найду. Прости меня: ищу-ищу и не знаю, куда записал.

С утра над проклятой драмой. [Должно быть, "Кольца" Л. - Д. Зиновьевой-Аннибал[59]]. "Проклятой", потому что слишком длинна. Много есть хорошего, и будь она романом, дело другое. Не торопился бы, если бы не отдавать завтра. [Содержание драмы не помню].

Придет Сергей, обедать буду — 5 ч. д.

Проэкты:

1) Хорошо бы тебе написать еще раз в Киев о квартире. Поездка моя продлится неделю. А потом так сидеть скучно. А главное, поскорее с тобой хочется в нашей комнате. Все равно где, только б с тобой. Я и заниматься не могу тут. Пробовал — ничего не выходит.

2) Если случится тебе быть в городе, непременно сделай нотариальную продажу мне "Золотого руна" и "Для счастья".[60] Боюсь, пропустим время и сделают там [в Театральном обществе] ремарку, что гонорар получает одно лицо.

четверть 4-го ночи

Поднялся наверх Суворовский, укладывает на ночлег. Оканчивал "Пруд" I часть. Разговор с Сергеем, с Суворовским — об этом до Киева.

Получил твое письмо. Разговаривал с Сергеем о деньгах. В Вологду не поеду, а прямо от П. Е. Щеголева [из Петербурга] в Киев. Деньги решат дни.

1) Апрель "Нов. Пути" не получил;

2) Марки не помню где;

3) Если придет рукопись Иерузалема, пошли Сергею на Биржу [Ильинка];

4) Комнаты надо посмотреть и решить на месте. Отсылай вещи;

5) Как достанет Сергей денег, тотчас поеду в Киев. День отъезда загодя напишу. Только бы удалось!

Мечтаю поскорее с тобой в нашей комнате, тут все исчерпано. Плохо тебе там, чувствую. Ну, давай поскорее уедем и устроимся. Сперва я один и рассмотрю. Может, и квартиру не стоит нанимать, а у них поселиться [у Котоуровых]. Могу ли я у них остановиться или в гостиннице? О "письмах"[61] объясню Вам. Поцелуйте крепко Наташу. Из этих писем не сожжены только пензенские.

Москва 1904 1 июня

День музыки. Пел Сергей из опер и новые романсы Рахманинова. Я заметил: оперы не говорят мне ровно ничего. Хочу какой-то музыки, только не могу выразить. К ней не подходит ни Григ, ни Рахманинов. Об этом поговорим с тобой.

Читал "Весы" № 5. Завтра их пошлет тебе Сергей. Отзыв о переводе "Снега".[62] Из Одессы напечатали только о Выставке и то без подписи.

В 7-ь с Суворовским в город. Был в "Весах". Хотел взять "В плену", но Поляков не отдает: хочет издать, но только с другими "стихами", минуя предварительную цензуру. [Ничего не вышло]. Встретился там с каким-то, имени не разобрал. Вернулся в 11-ь.

Разговаривал с Сергеем: либо в четверг, либо в пятницу поеду к П. Е. Щеголеву [в Петербург]. Страшно колеблюсь, ехать ли в Вологду. Дорога 20 руб. Меня это и пугает.

Если бы ты знала, как хочется мне поскорее увидеть тебя, быть с тобой. Верю, что скоро устроюсь с деньгами. Сергей выдумывает "комбинации" скорее достать.

Напиши, можешь ли пробыть июнь в Берестовце? Спрашиваю вот почему: мне хочется приехать в Киев и все устроить, чтобы ты приехала на готовое. А в Вологду ехать мне или нет? Так это я сам решить не могу и все спрашиваю тебя. Буду в Киеве писать "стих" о Наталье и о тебе. Поцелуй ее от меня. Скоро получишь такую игрушку и Натуся не будет плакать. Все хочется мне купить тебе что-нибудь особенное — глаза разбегаются.

Москва 1904 3 июня 1-го н.

[от 2-го уничтожено или пропало]

Все утро переписывал стихи Сергея и с ним сочинил посвящение. Привезу. Потом с Сергеем в ресторан. Слушали музыку.

Завтра с первым поездом в город, а с 4-хчасовым к П. Е. Щеголеву [в Петербург]. Завтра Сергей пошлет тебе на марки 10 руб. Как не хочется ехать в Вологду, а придется: очень неловко перед А. А. Маделунгом из-за денег. Пиши пока на Сергея. Не тревожься, быть может, из Петербурга не удастся написать. И напишу уже из Вологды.

Адрес Зои в твоей папке "Musique". Забыл себе переписать. Так мне перед тобой неловко. Знаю одно: Rue Soeurs de Masque (9) Liège, Bélgique. №-то и забыл.

От Мейерхольда: играют в Пензе, к 1-му сентября просит приехать.[63] Очень от Сергея досталось мне за статью о театре, не за основную часть, а где о Мейерхольде.

Еленочка ["Ляляшка", Елена Сергеевна Соколова[64]] молится за "тавку" (травку), "Алькульку" (собачку), "пи-пи" (птичек, у них два попугая), дядю Ле-лю (бубуку), папулю, маму.

Мы Наташу непременно за птичек молиться научим.

Ты мне вышлешь адрес и я прямо пойду на квартиру.

До свидания, поскорее бы с тобой опять, ты только одна глядишь в меня и все понимаешь. Наташу целую.

ПЕТЕРБУРГ

Не понравился. А хорошо-просторно, не Пенза, не Херсон, не Вологда, не Одесса. "Новый Путь" у Чулкова. Философов, Фридберг.[65] А о своем — "нет нигде места". Против — Гиппиус. Острова. Эрмитаж.

Петербург 1904 5 июня

"Новый Путь" Саперный пер. 10 т. 35-15

Вчера с пятичасовым в Петербург. Приехал в 9 ч. утра. Беру извозчика за 30 к. к П. Е. Щеголеву — нет дома, выехал в Териоки. Я в Саперный в "Новый Путь" — прием с 11-и. Подрядил извозчика на полтора часа — 1 р. 50 к., повез по городу. Катался — глазел. Купил тебе серебряный стаканчик "на память". В 11-ь позвонил в редакцию.

Секретарь Георгий Иван. Чулков. Помнишь "Кремнистый путь"?[66] В июльской книжке "Н‹ового› П‹ути›" напечатан "Продавец солнца" Рашильд.[67] Взял "Н‹овый› П‹уть›" за этот год. Из № 6-го дадут оттиски[68] — 20 экз. Апрель‹скую› кн‹игу› для Мейерхольда взял. "Комурасаки" [Японская гравюра] отдал: напечатают.

У Философова [Дм. Вл.]: очень напоминает А. А. Маделунга — "европеец". Разговор о "Пруде". После завтрака вернулся в

редакцию. Познакомился с П. П. Перцовым — уходит из "Н‹ового› Пути" [был редактором].

Чулков написал мне прошение в Департамент Полиции, подам из Киева. 8 ч. в. идем на прогулку. Переночую и завтра восвояси.

Жена Чулкова — Надежда Григорьевна акушерка, училась с О. М. [Ольга Михайловна?]. Расспрашивал о уходе за Наташей. Пока бросаю. Итти надо. Подробности расскажу.

Может, удастся перехать сюда, то-то ты обрадуешься. А мне Петербург не нравится, хотя он и лучше других.

Наташу целую. Напишу завтра. К А. А. Маделунгу [Вологда] не поеду: нет денег.

Останется: взять у Mutter'а книги[69] [Из Сыромятников, наша библиотека], достать 150 рб., и в Киев. Да, будешь в городе, поторопись сделать "продажу" у нотариуса "Для счастья" и "Золотого руна" [пьесы]. Впрочем, лучше из Киева. Да, Саблин, не говоря ничего, передал "Сыны земли" в "Новый Путь". Бог знает, что![70]

Петербург 1904 6 июня

Прогулка. Через Летний сад. На пар‹оходе›. До последнего острова. Называется "На острова". Не люблю *так* ходить. И опять на пароход. Иззяб, без пальто.

В редакции читал "Иуду" Каспровича: будет напечатан в июльской книжке "Н‹ового› П‹ути›" [и не подумают, я тогда всему верил, впрочем и теперь верю — 1947]. Познакомился с "эксентриком" поэтом Фридбергом [Дмитрий Наумыч] из "Северных Цветов" [Из парижских напоминает Терешковича[71]]. Чулков читал свой перевод: 15 песен Метерлинка.[72] К ним гравюры — очень мне понравились [Перевод впоследствии был издан].

Собираюсь в Териоки к П. Е. Щеголеву и к В. В. Розанову, не знаю, удастся ли. Хочу сегодня возвращаться.

Легли в 6 ч. у. Сейчас 9-ть. Все спят. Туркнулся в дверь, где умывальник — заперто. Нашел вот этот листок и пишу тебе.

А хорошо тут — просторно — непременно надо перебраться, а там погибнуть можно.

К Философову заходила "полненькая блондинка, подруга вашей супруги". Спрашивал о ней, как и что? — "очень несведующая" [?].

О П. Е. Щеголеве: он будто бы порвал отношения с "Миром Искусства" из боязни скомпрометировать себя таким обществом перед столпами "Русского Богатства".[73] А любопытно было бы повидать его.

Вместо "Нов‹ого› Пути" будут "Вопросы Жизни".[74] Кроме Бердяева будут и такие господа в роде Волжского,[75] необыкновенно тупые в "искусстве". О помещении "Пруда" и "В плену" едва ли можно мечтать.

В "Н‹овом› Пути" и так и сяк. Не хочет З. Н. Гиппиус, говорит, что это декаденство [и "Пруд" и "В плену"]. Философов видит единственный исход: мой личный разговор с ней. Что будешь делать — просто нигде места нет. [Этот припев будет повторяться всю мою жизнь]. Переводы пойдут — те, что "Филиппов" переводил, а оригинальные Гиппиус не хочет.

Одно у меня желание: достать у П. Е. Щеголева I часть "Пруда" и сохранить у себя. А то у него пропадет. Хочу обманным путем попробовать [Не помню, как и через кого].

полдесятого у.

Кажется, просыпаются. По коридору топают, вода шумит. До свидания — до свидания! А тут мы с тобой будем — верю. Наташу поцелуй.

Петербург 1904 7 июня

Напишу подробно. Жду поезда. Судьба "Пруда" так и не решилась.

МОСКВА

О деньгах: нет денег. А надо достать. Опять по дачам и опять дождик. "Наши" и "твои" — "Пруд". Ко всяким неподхожу, теперь присоединяется и это. Замыкается круг: ниоткуда ничего доброго не жди — везде чужой.

И припев: никуда не годен — тычусь и разобраться не могу. Должно быть, от этого необычайная страсть все рас-

писать и сделать расчет — пронумеровать. Но все расчеты не помогают, все идет по-своему и наперекор. Моему наперекор.

Москва 1904 7 июня

Целый день дождь. Думал в Териоки, но тогда пришлось бы еще день пробыть в Петербурге. [А это не безопасно: Чулков очень боялся. И легли то в 6-ть, оттого что боялся: "без прописки"]. Был в Эрмитаже.[76] Большое чувство: Леонардо да Винчи, Рубенс! Заходил в редакцию Философов. Дал 40 руб. за "Продавца солнца" и "Иуду" Каспровича. Вышлют и еще, как напишу: я обещал прислать переводов. Послезавтра вышлю тебе 25 рб. на дорогу, прибереги.

С полседьмовым выехал в Москву. Дорогой не пришлось ни на минуту заснуть. И вот до 6-и проспал.

Разговаривал с Сергеем. Напишу, как только ему удастся. Завтра перекочевываю к Виктору. Наверно, 18 июня его отправят на войну. Деньги для жизни в Киеве можно достать только не раньше, как после 12-го июня. Себе на дорогу отложил.

У Виктора буду переписывать переводы из "Химеры". Когда возвратимся "по домам", попрошу тебя перевести Стефаника из "Химеры". В Киеве купим № 19, там есть какая-то драма. О получении денег извести.

Петербургский серебряный стаканчик очень хороший, только для наливки, и у тебя будет всегда стоять. [Не помню и куда девался, не знаю]. Если Иерузалема прислали тебе из Одессы, вышли на имя Сергея.

Очень у меня надежды возгорелись переехать в Петербург. И все в один голос твердят, что и ты: "бросить театр".

Думаю о эпилоге [к "Пруду"]. Написал "стихи" "Брат", пошлю в "Нов. Путь" [Ничего не помню и не послал, конечно]. К А. А. Маделунгу в Вологду не поеду: уж очень устал, едва дух перевожу и голова болит, "убийственно". До скорого-скорого свидания и жизни вместе. Ошибков много делаю? Наташу поцелуй "от папы".

Посылаю "Мое слово" в "Нов. Путь" под твоим именем.

Москва 1904 8 июня 12 ч. д.

I

1) Будешь в городе, сделай у нотариуса продажу мне "Золотого Руна" (драма в 3-х актах) и "Для счастья" (драма в 3-х актах). Продажу в 25 руб., как тогда. Очень беспокоюсь. Скоро Главное Управление по Делам Печати разрешит эти пьесы. Нотариальный акт пошли заказным: Петербург, Николаевская, 33. В Канцелярию Союза Драматических Писателей;

2) Посылаю туда открытку с уведомлением, что в скором времени ты пришлешь нотариальный акт продажи "Зол‹отого› Р‹уна›" и "Для счастья";

3) Прошу Сергея послать тебе завтра 25 руб.;

4) Жду адрес Киевской квартиры. Очень-очень хочется поскорее сесть к столу. Все же забираю переводы и думаю что-нибудь сделать у Виктора "без стола" — пишу там в столовой на тычке;

5) На днях с Сергеем к Mutter'у. Едва жива. Еду с Сергеем, одному нельзя: может испугаться;

6) Иду в оперу на "Демона". Наверно, с Идой;

7) Что будет делать Виктор, это про войну;

8) В воскресенье к Николаю на обед. Хочу попытать счастье на счет денег.

После оперы напишу. Пиши мне. Наташу целую.

II

Только что с "Демона". Мы с Виктором стояли. Вспоминал, как бы тебе понравилось. Вспоминал твои рассказы о Тартакове.[77] Меня "Демон" не трогает. Под конец, даже заскучал. Вижу всю постановочную машину, и глухие арии ложатся мне на уши войлоком. Исполнение аккуратное, но не без "курьезов". [Не помню, что].

Виктора возьмут. Пасмурно у него, хотя он страшно скрытный. Гадали, как устроить с деньгами. Я прошу 300 рб. — невозможно. Больше 150 рб. не выйдет. Отдал ему долг не 25 рб., а 20 рб. Вспомнил о брелке: за него надо заплатить. Если тебе мало или в-обрез, пришлю из 150-и, как получу.

Пасмурно у них на пасмурной Устьсысольской даче. Возвращались, я впереди всех спотыкался — а ты взяла бы меня

под-руку. Жду с нетерпением вестей. Как ты там, скоро ли в Киев? Наташу целую.

Иду на террасу чай пить. Ида очень благодарит за "Оленя" (из Кяхты). Надо написать Лебединцеву [Отец крестный Наташи, Одесса, один из 7-и повешенных], чтобы выслал метрическое.

Москва 1904 9 июня

Целый день у стола. Поправлял отрывки из Шурим-бурум, потом переписывал переводы: "Фрагменты", "Благодарение" — все неважные. По обещанию. Завтра перепишу еще несколько.

Письмо от А. А. Маделунга: просит приехать. А не хочется мне страсть: очень дорога мучает. Если решусь, то после 12-го на 2-3 дня. С деньгами, что послал он, большая будет возня; напишу, чтобы потребовал обратно: получить их могу только я и непременно в Одессе — банк не пересылает.

У Виктора гости. Скоро выяснится, куда его отправят. Сразу ли на войну или пока в Одессу или в Варшаву или в Киев. Видно, как затаённо-тяжело он думает.

Что же от тебя ни одного письма? Тревожусь. Как ты там? Пиши непременно. Узнаёшь ли в Киеве о квартире этой? Господи, если бы не ехать в Вологду! А поскорее бы все устроить и в Киев.

Без четверти 2-х

Пришла с прогулки Ида. Кланяются оба. Наташу поцелуй. Скоро говорить начнет. Пиши, пиши мне.

Москва 1904 10 июня

Московский Торговый Банк (Найденовых)

Очень мне понравился бланк, потому и пишу на нем. Получил твое письмо с Киевским адресом. Так обрадовался. Завтра еду к А. А. Маделунгу, 12-го вечером буду в Вологде, пробуду 13 и 14-го, а 15-го обратно. 16-е в Москве, 18-19-го в Зверинец[78] [Киев]. А кажется, как долго! О деньгах из "Правды" напишу Суворовскому — он на даче.

Целый день переписывал переводы. Сейчас 12-ь, весь дом засыпает. Бобик долго не унимался, лежал на моей кровати, пел "Господи, помилуй" и приставал: показать картинки.

Не даром мое было предчувствие: помнишь, как не хотел я к вашим (в Берестовец) ехать.[79] И что бы вышло, если бы поехал? Мне страшно, что хоть день ты там пробудешь, а до моего приезда в Киев, подумать жутко. Потому и ехать в Вологду не хочется. Тогда бы 15-го уж выехал в Киев.

А в Тифлис[80] [Театр] вместе поедем. Я тоже думаю. А то без тебя там зявяну. Знаешь, как я тебя всякий-то день зову к себе и ищу тебя. Наташу поцелуй крепко в губки самые.

Скоро месяц, как ложусь не крещенный и ошибок в переводе делаю одна-на-другой.

Пиши на Сергея. Когда возвращусь из Вологды, будет известно, куда назначат Виктора.

Москва 1904 11 июня

Очень перетревожился, ожидая указаний о поезде. И вот только завтра вечером в 9 ч. 30 отправлюсь в Вологду.

А. Маделунг прислал письмо, спрашивает о письме из Борзны. Что ему с ним делать? Торопился от Виктора, даже не поел, летел, сломя голову. Приезжаю к Сергею — а он только в 7 домой. А в 7 домой поезд уходит отсюда. Все мои *приготовления* остались не *при чем*. [Я все хотел, да и теперь люблю рассчитывать, и ничего никогда не выходило, как и теперь не выходит, даже в пустяках].

Вечер провел с Сергеем. Много порассказал и тяжелого и вызывающего. И скажу тебе: не надо мне встречаться ни с "нашими", ни с "твоими".

Что тебе привезу? Привезет душа. То новое, что с тобой писать буду, окрасится чернотой. Сколько еще будет муки, когда ты о своих будешь рассказывать. Но ты расскажешь. Эту правду надо знать, чтобы из ее черноты прыснули огни — иная правда. Если все так ужасно, то как надо, надо бы. Над жестокой правдой жизни, потому что я сознаю ее жестокость, я чувствую другую правду. Так, должно быть?

13-го в 5-м ч. буду в Вологде. 14-ое пробуду, а 15-го назад. 17-го к Mutter'у. Возьму от нее благословение, попрошу Сергея устроить рамку. 18-го в "Весы" и в "Правду". 19-го на прощание и к Николаю зайду. 20-го в Киев. К этому времени решится судьба Виктора: идет он на войну или нет.

Такая тревога на меня напала: я перед человеческой жизнью. Чего еще нужно? Моя душа истерзана. Перечитываю твое

письмо. И говорю, говорю с тобой. Говорю о том, что смогу ли я выразить весь этот ужас жизни? За тебя, — и каждую твою минуту чувствую. Все эти живущие жители "Пруда" — какой ужас.

Поскорее, поскорее бы к тебе. Ну, куда я гожусь — даже не могу самостоятельно поезд узнать! [Этот припев о своей негодности через всю мою жизнь]. Наташу целую.

Москва 1904 12 июня 2-ой ч. дня

Скоро отсюда ехать. Маделунгу дал телеграмму.

Переписывал "Филоктета" Андре Жида.[81] Очень уж скучно. Идет дождик, тут его природа, лейся в волю. Попросил показать карточки и стянул много своих. Может быть, кое-какие книги захватишь с собой из старых, про которые говорила мне.

От Mutter'а я возьму некоторые. А чтобы взять много, нужно два-три дня безвыходно качаться наверху. Но теперь неудобно, там сложены вещи и Виктора и Сергея.

У Соломона [Сегаля][82] хочу добыть какую-нибудь вещицу для тебя. Сегодня Сергей добывает 150 рб. для Киева. Мне хочется, чтобы ты себе какую-нибудь кофточку сделала.

"Курьер" закрыли на 8 месяцев. Получаешь ли "Театр и Искусство"[83] и "Мир Искусства", вышла 4-ая книжка.[84]

Пришел Сергей. Собрался и все уложено. Сейчас на вокзал. Пиши. Наташу целую.

ВОЛОГДА

Встреча с А. А. Маделунгом подействовала благоприятно. Я вдруг как умылся и выпрямился. Конечно, на не надолго. "Человеком" я никогда не сделаюсь и не "быть мне похожим на гордого Аггея".

Встреча в вагоне с "бесноватой": ее рассказ мне ближе, это мое, но как далеко от жизни.

В Вологду 1904 Урог 13 июня

После московских дождей и очень неудобной ночи, почти бессонной, вздохнул глубоко на извозчике к вокзалу.

На пересадке встретил Вл. Анат. Жданова[85] [прис‹яжный› пов‹еренный› и б‹ывший› ссылный в Вологде] — страшно удивлен. А почувствовал я еще: много "историй" окружает меня в вологодской памяти. Но меня это не трогает: я стою перед стеной, преграждающей все пути, а имя этой стене жестокий закон жизни жестокого человека. И как быть мне с моей нежестокостью и всем, кто похож на меня, для которых эта стена "неправедна", но разрушить ее бессильны. Разрушение закона жизни — распад жизни. И пускай! Да руки коротки. Всей моей жизнью я буду подтачивать эту нерушимую твердыню, но и только. Вот, вот что меня мучает.

Встретил еще реалистика, брата Ан‹ны› Як‹овлевны› Сегаль: едет к Вере Як‹овлевне› в Смоленск.

Ночью неотступно ты стояла, ночью ты мне рассказывала. Поскорее бы с тобой. Я бы начал этот диалог. Туманно пишу. Ты понимаешь, как горячо во мне: я вобрал в душу все твои негодования и твои скорби и скорбь моего Пруда.

без четверти 8 у.

Скоро поезд. Выпил кофею. Наташу поцелуй издалека. А как бы мы с тобой поехали в Вологду. Непременно когда-нибудь поедем. Вспомнил "подполье".[86]

Вологда 1904 13 июня

Ехал долго. Потом на извозчике. Подъезжаю: "давно съехали". Эта моя судьба: из-под рук, как в Петербурге со Щеголевым, и в Москве с Саблиным. Разыскал на Московской, вот его куда! Маделунг очень переменился: ввалились глаза. Много мне читал из своих "Сансар". Сделал большие шаги в русском. Нанна Ив‹ановна› уехала, потому Мария Фед‹оровна› [Маделунг][87] очень грустна. Пел полным голосом, в Москве не удавалось. Маделунг стал сурьезен, рассказывал о датских "Сынах земли".

Завтра к Соломону [Сегалю]. У них опять с деньгами нехорошо. 15-го утром выезжаю, а 16-го к Mutter'у.

Прочитал твое письмо. Так мне опять стыдно стало, что тебя одну покидаю. И досадно на себя, что так ротозейно все вышло. Не сердись ты на меня. Не знаю, возможно ли у Аггея

[Маделунг] взять денег — эти 30 руб. Завтра напишу. Наташу целую. До скорого-скорого.

Брелок еще не готов, а то бы я тебе его прислал по почте. А‹ггей› А‹ндреевич› и М‹ария› Ф‹едоровна› шлют глубокие поклоны. О легендах обо мне узнал очень много.

Вологда 1904 4-ый ч. у.

С утра, по-московски, дождик. И опять начинается: с Аггеем [Маделунг] пошли в магазин к Соломону [Сегалю], — а его нет, уехал с Анной Як. [Сегаль] куда-то на дачу. Иосиф [брат Анны Яковлевны] и Рахиль [Сегаль], оба тебе кланяются. Пришлось вернуться.

Пытался петь, но неудачно. Разговаривал или, вернее, слушал. Что я почувствовал? Свою пришибленность и свою низкорослость. И это было чувство боли. Каким мне показался "гигантом" этот "гордый Аггей".

Опять в магазин. Соломон вернулся. Купил для тебя кувшинчик для духов, к поясу прикрепляется. У Маделунга взял 30 руб.

Обедали. И снова разговор — я слушаю. О загранице.

Вечером у Сегалей. Анна Як. постарела. Разговор ни о чем. И домой. Рассказ Аггея — окончание его "Сансары" — как оно было. В его "триумфе" было много комического. Особенно, когда он нагой стоит на площадке, а она подымается к нему по лестнице и тоже нагишом — он забыл, что ей не 16 лет, что у нее трое детей, что ей стыдно — стыдно за свое "безобразие".

Смертельно устал.

Рвался к тебе — ты — ты прочитала бы в моей душе все слова — всю боль.

Целую Наташу.

Видел Жилинского[88] (ссыльный) с какой-то барышней. Рассказал им для "безобразия", что это время жил я в Египте. То-то пойдет теперь! Кувшинчик и стаканчика не посылаю, берегу, боюсь, пропадет.

Завтра утром уезжаю.

Вологда 1904 15-16 июня полседьмого утра

Заклеил письмо. Забыл написать: Адама Дионисовича Рабчевского[89] [ссыльный из Киева, прис‹яжный› пов‹еренный› —

арестован в Киеве за убийство — "из чести" застрелил оскорбившего даму, а скоро и помер от чахотки] выпущен на поруки, живет в Киеве. Так мне говорили тут.

Пишу на вокзале. Вчера не было возможности (15 VI). Из Урога прямо в вагон. Жду поезда.

Хочу застать Сергея и к Mutter'у. Вечером напишу день выезда: Сергей обещал рассчитать. В дороге все было мирно и тихо. И только ночь провел бессонно в напряженном внимании к безумным словам "матери". По какому-то демонскому наитию рассказывает мне свою "Бесноватую Соломонию".[90]

"Мать" — простая женщина. Рассказ ее — русская простонародная речь "природного" лада. Влюбленность в Бога и явление демонов. Местами поразительно — так близко к "чертям": в словах звучало демоническое. Я чувствовал так живо, будто сам рассказывал.

Не жалею, что был в Вологде. Маделунг подействовал на меня укоризненно: я словно умылся, выпрямился и посмотрел прямо.

Наташу целую.

Открыли кассу.

МОСКВА

Московский смерч. Перед решением: ехать ли в Тифлис в театр Мейерхольда или поступить в банк. Нечем жить.

Дачная жизнь. Дождик. Коты. Война. Бестолочь. И поиски 150 руб. Уныние.

Москва 1904 16 июня (середа)
без четверти одинадцать утра

Получил твое письмо. Пишешь, что от меня два из Петербурга. Немного отдохнул и пишу по пунктам:

1) В субботу 19-го VI выезжаю около 6-и вечера по Брянской и в 6 ч. в. 20-го в Киеве;

2) Маделунг предложил мне перевод романа Янсена, отдан автором в исключительное право А. А. Маделунгу для перевода.[91] Помнишь, ты говорила о какой-то барышне, которая могла

бы помочь. Хорошо бы написать ей. Об этом поговорим, пишу для памяти;

3) Письмо от Мейерхольда. Предлагает поправить и переписать ему перевод какой-то драмы. Напишу, чтобы прислал мне, тогда и скажу, сколько;

4) "Золотое Руно" и "Для счастья" разрешили. Поскорее бы устроить нотариальную продажу;

5) Прошение в Деп‹артамент› Полиции отошлю, как только ты взглянешь;

6) Сергей даст сегодня подробный расчет о переправе из Киева в Тифлис. [Этот проэкт не осуществился и в Театр в Тифлис я не ездил];

7) Получила ли 10 рб., а потом 25 р.; квитанции сохраняю;

8) К Mutter'у не удалось: Сергей не получил моего вологодского письма. Отложили на завтра;

9) Письмо Мейерхольда сохраняю: любопытно;

10) Четверть 6-го в. Лег и сейчас только проснулся. Одну грозу проспал. Но когда сел за стол, произошло что-то невиданное: деревья вырывались с корнями, молнии, как цветы, вились вокруг деревьев;

11) Виктора назначили в Одессу. Но едет не сейчас, а когда Одесский округ объявит мобилизацию;

12) Грозой много убитых, провалившиеся дома и пожары. Небывалый смерч;

13) Просто ужаснулся, когда сделали приблизительный подсчет на поездку в Тифлис; дорого и долгая дорога. Не знаю, стоит ли ехать? Одно останавливает: хоть сколько-нибудь будет, если попытаться в Тифлис. Об этом поговорим.

14) Завтра иду к Mutter'у.

Ну, скоро устроимся и обсудим вместе. Меня очень беспокоит этот Тифлис.

Наташу целую.

Москва 1904 17 июня 8 ч. в.

Жду поезда к Виктору. Сегодня целый день прощай. Поехал с Сергеем к Mutter'у.

Да, вчера это был циклон, а какая разница от "смерча" не знаю. Как уцелела дача, одному Богу известно. Людей подхва-

тывало на сажень в воздух. Вся соседняя местность — осколки. Ничего подобного я не видел. А когда надвигался этот циклон, в воздухе носилось пламя. Думали, "страшный суд". На одной церкви снесло купол.

"Mutter" очень слаба. Расспрашивала о тебе и о Наташе. Наташе посылает иконку. Меня и тебя заочно благословила. Везу родовую икону "Трех Радостей".[92] [После смерти С. П. – V 1943 г. — передал Наташе Резниковой. Наташа померла — 1943 XI]. Сергей тоже мне дал набитую иконку для Наташи. Взял свои волосы. [В металлической коробочке 24 июня 1877 рукою матери]. Взял и еще несколько вещиц, ко мне относящихся: мои старые "бальники" [Алек‹сандровского› Ком‹мерческого› училища] и Mutter'а дневник [Пользуюсь в рассказе: "Покровенная"].[93] Подымался наверх, в наши комнаты. Книг взять сейчас невозможно. Нужна неделя, по крайней мере. А какое богатство. Везу только Люиса, Историю философии,[94] в твоем Устьсысольском переплете.[95] [В Устьсысольске С. П. переплетала книги, и мне этого Люиса: одна сторона синяя, другая канареечная, а корешок красный, что считалось "декаденством"].

От Mutter'а к отцу Иды — Ф. И. Рюккерту и к "дедушке" Вас. Ст. Лебедеву.

Да, взял несколько наших карточек. "Mutter" едва передвигает ноги. Икону дал Сергею, чтобы заказал киот. Очень я боюсь сам это делать. Я не говорю о ценности — 3000 рб. определяют [В Петербурге однажды закладывали — 75 руб.], такой достать нельзя. [Ничего замечательного, икона начала XIX в.]. Мы ее повесим над столом.

У Ф. И. Рюккерта взял брелок: очень маленький вышел. Закажу еще из Киева.

Если я не 20-го, а 21 выеду, ты не сердись, киот только к вечеру будет готов в субботу. Сегодня хорошая погода, будет так и завтра, а то все пути размыло. Завтра по редакциям и к Николаю. Сергей против моей поездки в Тифлис к Мейехольду, хотя и понимает, что жить надо чем-нибудь.

Если я буду 20 или 21-го в Киеве, ты приедешь на мое рождение — 24-го. Да? Писем сюда не посылай.

Ехать по Брянской скоро: в 6 ч. в. выеду и в 6 ч. в. на другой день в Киеве.

До свидания. Наташу целую. Радуюсь, что могу, хоть чем-нибудь, обрадовать тебя. Хорошо, что удалось достать.

Москва 1904 17 июня Первый час ночи

"Московский Торговый банк" [Виктор служил бухгалтером]

Собрался было писать, взял карандаш – трах! повалилась кровать. А когда восстановил, и все в порядке, опять. Гаснет лампа. И кошачьим дерьмом несет в нос: Бобикин кот — у него понос, непрерывно гадит, где вздумается безо всякого кошачьего стеснения. [Кошки, как известно, укромны].

Уж думаю, не поступить ли мне в Банк. Как-то надо, а как? То, от чего отрекался, вдруг пришло в голову. Завтра у Сергея постараюсь увидаться с одним человеком, который знает эти дела.

Сохрани бандероль "Театра и Искусства" [А. А. Кугель].[96] Там мой №. Надо послать в редакцию о перемене адреса.

Достали мне 150 р. Больше не могут и долго не будет возможности достать. Все это меня так напугало, я и задумался о Банке.

Завтра встаю с Виктором. А в 12 еду с Идой в город и к Николаю обедать. Постараюсь уехать в субботу, а если что-нибудь задержит, в воскресенье.

Я писал, хорошо бы ты приехала в мое рожденье. Только ты не торопись, если в этот день представятся затруднения. Дело не в рожденьи. А мне хочется, чтобы ты приехала решить о Мейерхольде – Тифлис и о прошении в Деп. Полиции.

Наташу целую. До свидания.

Москва 1904 18 июня

"Московский Торговый Банк"

I

9 ч. утра. На террасе пью чай. Поднялся рано. Виктор кланяется тебе и крестит Наташу.

"Может, говорит, никогда не увидимся!"

Попроси своего брата, чтобы по твоем отъезде пересылал книги и посылки, какие могут притти без тебя. Беспокоит меня, что с Иерузалемом: где, куда его послали? Не написать ли в Петербург?

Удастся ли тебе захватить книги, — поищи, нет ли Четий-Миней. Буду просить и умолять Николая дать мне: у нас такие есть.[97] [Нет, Николай не дал мне Четьи-Минеи – мои первые книги, по-голосу, еще не умел читать]. Но он говорит, что потерял. Врет.

Да еще, жаль очень, что не знаем адрес Лебединцева: необходимо взять метрическое. Вымою голову и отправлюсь с Идой в путь. Вечером напишу.

18 июня 1 ч. ночи

II

В "Правде" взял "Гостей" (Пьеса Пшибышевского), о "Японской гравюре" еще не выяснено. Из "Правды" в "Весы". Дорогой попал под дождь. В "Весах" никого. Оставил адрес. В "Пассаже" съели по пирожку. И в Б‹ольшой› Афанасиевский к Николаю.

Варя и Галя [Варвара Сергеевна Ремизова-Глазунова,[98] Галя — племянница] дали мне свои фот‹ографические› карточки. Много пришлось выдержать пытки, чтобы разрешили пройти в подвал, где хранятся книги Николая. Взял нарисованные Николаем портреты: Действующие лица "Пруда" — Прометей, о. Гавриил (в "позе": "ты меня не объел!"), Эрих, Прасковья, Сергей, своих 2 приготовишкой. И свои детские рисунки. Это тебе.

Пришел Виктор. Обедали. Водка и старый херес. Попробовал херес ["Ксерес"]. Соблазнительно было стянуть и стянули 40 к., но потом признались. А то еще подумают на прислугу. Занимался с обезьяной: обезьянка чахлая и озабоченная.[99] После обеда на вокзал. Туда же на пони Варя, Галя и Ида.

В вагоне застала гроза. Но все обошлось благополучно.

У Сергея Финогенов. Снимал меня. Сергей пел. Киот отказываются делать в такой краткий срок, придется купить в Киеве.

Укладываюсь. На завтра остается белье. Завтра искупаюсь и к Виктору. Вещи на вокзал завтра же отвезу. На Брянский поедет провожать Сергей.

Виктор скрытный, а со мной говорит молча: очень волнуется.

Получил из "Нов‹ого› Пути" оттиски "Продавца солнца" [Рашильд]. Дам Иде, Сергею, Маделунгу и 2 эк‹земпляра› в Союз Драм. Пис. привезу с собой.

До скорого, скорого свидания. Целую Наташу. А "Четьи-Минеи" так у Николая и не нашел.

Москва 1904 19 июня

Виктор передал письмо.

1) Повестку и письмо получил, отправлю в 12 ч. ночи заказным на вокзале. Подпись сделал. Число не важно;

2) Получила ли ты 20 рб.?

3) Виктор советует купить соску для Наташи;

4) Вышел из-за стола. Обедают. Завтра вечером в путь.

Наташу целую. Никуда в Киеве не пойду. Хотя надо бы к Н. А. Бердяеву. Ну, все равно.

Москва 1904 четверть десятого утра

Пишу карандашом: уложил чернила.

Как быть без ключей — если ты думаешь пробыть еще немного, может, не стоит распаковываться? А если долго (неделю), то, может, пришлешь маленькой посылкой. Очень трудно, не разрушая, отпереть без ключа.

Это письмо опущу по дороге. Вчера ночью послал заказным повестку. Дождись, получи деньги. По дороге к вокзалу куплю 1) сосок. Советуют давать, это не вредит, а "регулирует правильность сосания". Непременно, говорят, надо кормить регулярно, а не когда плачет. А вот когда плачет, и дать соску; 2) чередового мыла; 3) жженого тальку для присыпки; пудрой не советуют, не так чиста; 4) белого масла с опиумом, чтобы мазать животик, когда разболится.

В случае запора надо на стакан воды чайную ложку ромашки, дать постоять, потом процедить, — это и было так, знаю.

Попал вчера под дождик. Возвратился в 2 ч. ночи. Да, вспомнил, Маделунг говорит, что "там" [Б. В. Савинков] убеждены, что я умышленно допустил рождение ребенка, чтобы окончательно тебе отрезать путь к возвращению в лоно старых интересов и "жизни" [т. е., к революционной деятельности]. Вот почему, должно быть, П. Е. Щеголев не ответил на письмо и вообще замолчал. Одна у меня забота: выручить I ч‹асть›

"Пруда". Восстановить по-черновику почти-что невозможно. Пришлось бы писать некоторые главы заново. Досадую, что не осталось точной копии. [Тут я ошибаюсь: П. Е. Щеголев ничего против меня. "Пруд" он показывал Куприну[100] и Аничкову,[101] как потом узнал я. Подозрение это — воображение Маделунга].

Без четверти четыре ч. н.

На вокзале. Заказал порцию чаю. И ел во все коврижки. Ждать больше часу. В аптекарский магазин не заезжал. Сергей все покупки завтра сделает и пришлет. К твоему приезду все будет.

Оказывается, Сергей до того щепетильно к моим вещам относился, он и в дом никогда не приносил "Мир Искусства", а держал в Бирже. Посылки задерживала работа и не его, а других служащих у Найденовых.

21 июня Коренево

Добрался пока благополучно. По 4 человека на лавку. Сижу весь грязный и закопчённый. Апетит волчий. Съел все котлеты. Письмо брошу в Нежине. Теперь уж скоро. Скорее-скорее! Каждый миг ждать тебя буду.

Наташу целую.

Подъезжаю к Киеву. Жду тебя.

КИЕВ ЗВЕРИНЕЦ

У Анны Григорьевны Хорошиловой [Котоуровой].[102] Очень трудная жизнь — нет денег, как было и в Одессе. См. к‹нигу› III стр. 12 (У Серафимы Павловны о жизни на Зверинце). Загнанность: пришибленность и робость.[103] И полная растерянность: не могу найти баню, в лавках обсчитывают. "Одного пускать нельзя". Острое чувство отдельности и жгучая жалость к зверям и людям — "поврежденным": боль соединяет с миром.

С. П. с Наташей в Берестовце.

Киев 1904 Зверинец 22 июня

Вчера 21-го VI в 9-м часу едва-едва добрался. Пришлось на вокзале около часу ждать на платформе. Носильщик № 13,

который брал мои вещи на Брянском, оправдал себя: крышка у корзинки лопнула.

Был очень голоден, но главное измучен бессонной тесной ночью. И когда добрался до Зверинца, Анны Григорьевны Хорошиловой [Котоуровой] не оказалось: она уехала к брату. Черный хлеб и чай — хорошо, что все у нас было и я с собой привез.

До 5-и ч. ночи устраивал. И не знаю, так ли — кажется, не так. Брало отчаяние.

Те корзины, куда положила белье и подушки, еще не пришли. Заснул на диване. Полуодетый. Подушку — подарок Наташе — под голову. Заснул, но было беспокойно, не знаю отчего. В ящиках много сороконожек, не выношу.

Проснулся в 11-ь. А базар до 10-и. Обеда тут не будет. Надо итти в город.

И все время собаки по комнатам ходят. И еще: нет штор.

Окончательно не устраиваюсь: необходимо вместе обсудить. Где будет спать нянька? Да согласится ли она сюда?

Получила ли повестку — 13,50 р. выслал в субботу.

Жду тебя, как спасение мое. Может, тут и хорошо будет, как устроимся. Радует, что далеко от города, как на даче.

Наташу целую.

Киев 1904 Зверинец 23 VI

Весь день прошел в уборке. Понемногу налаживается. Остается до тебя: решить, где спать. В маленькой комнате двум с Наташей удобно ли? Если мне на диване в большой, а мою кровать вынести, как думаешь?

Был в городе, добрался благополучно, обедал в ресторане. Купил киот для иконы — 4 р. 50 к. А на заказ куда дороже. Но икону боюсь вешать. Купил Наташе маленький золотой крестик.

Выпью чай и на 2-ой Киев получать вещи. Найду ли? Еще не прописался. Нет Анны Григорьевны [Котоурова, хозяйка]. Это меня беспокоит: скоро получится повестка. А "это место" плохо тут: в саду и дверь не запирается. Из белой материи для темноты устроим 2 шторы.

Жду тебя, жду с нетерпением. Хочется все так устроить, чтобы тебе ничего не надо было делать, прямо, как в старый дом, приехала бы.

Киев 1904 Зверинец 24 июня

I

Сегодня мне 27 лет [24 VI 1877]. Забыл написать: Виктора оставили в Москве до ближашей мобилизации.

Вчера пошел в баню. Хотел найти без указки. И не нашел. Отдал в переплет 2 рукописи. Еще дороже Одессы. Иду на почту. Подробно разузнаю ее. И опять к переплетчику: отдам рисунки Николая, где Сергей, я, Лисик (собака), Эрих, Прасковья, о. Гавриил, Пруд. Получил вчера корзины, теперь комнаты совсем жилые. Только опять-таки, ловко ли спать в маленькой комнате вдвоем. Мне показалось, душно.

Слушаю вечером звон в Лавре. Как в Успенском соборе.

Обедал дома. Записался на "Химеру". Получил одну книгу (на четверть года – 3 р. 50 к.). Жду и в мелочах: надо несколько писем написать, а без тебя не решаюсь. И кажется мне, что ты где-то в другой комнате, а войти ко мне не можешь. А в Москве казалось, что ты где-то за морем. Никого не встречал.

Наташу целую.

От Зверинца близко товарная станция. Если бы раньше, можно было бы на ней и остановиться. Ну, все равно. Комнаты напоминают Устьсысольск. В город мы не будем ходить, нам тут лучше будет.

Киев 1904 Зверинец

II

С "Весами" совсем запутался. Я подписался для Сергея и для Николая. И все приносилось на Биржу. Перед отъездом взял у Сергея экземпляр, выдрал страницу с обличительным отзывом о нашем переводе "Снега" и отослал без этой страницы Мейерхольду, сделал аккуратно. Один экземпляр послал тебе. У нас оказалось два. Должно быть, схватил экземпляр Сергея.

Сейчас ходил на почту, отослал этот приблудный и "Будем как солнце" Бальмонта[104] в Вологду Маделунгу. Дорогой за-

стиг меня дождик, но не промочил, а только пыль сдуло. Никого не встретил.

Перечитал твои письма. Я не помню из какого слова сделал "оттиски", потому и спросил. Ключи подобрались, присылать не надо. Напомни рассказать:

1) Ник. Ал. Бердяев и его женитьба;[105]

2) Ан. Ал. Сигорская и мое влияние;[106]

3) Вл. Ан. Жданов и его отношение ко мне. Все это я узнал в Вологде от Маделунга.

Покупаю себе молока на 10 к. (кипяченого или топленого, говорят, *толпленого*). Завтра никуда не пойду, только до церкви опустить письмо.

Посылаю Ил. Ар. Тотешу,[107] Херсон, открытку прошу написать Эм. Бор. [?], чтобы Грига (ноты) выслал.

А знаешь, я опять в себе пришибленность и робость почувствовал. Это чувство может вырости в боязнь улицы.[108] А источник: загнанность.

пол одинадцатого в.

Вымыл голову. Немного перепишу и спать. О тебе думаю, как-то ты приедешь. Все приготовляю, устраиваюсь. (Ремезово гнездо вью).

Киев 1904 25 июня

Проснулся в 9 ч. Телеграмма от Сергея — поздравление. Забыл ему сказать, что этого не надо никогда. Виктора предупредил. Разыскивали меня всю ночь. До сих пор не прописан.

Видел тебя во сне. Проснулся: теперь скоро. Скоро тут будешь. Попью чаю. Снесу письмо. Наташу целую.

Киев 1904 Зверинец 25 июня 10 ч. в.

Получил твое письмо. Нотариальный акт сойдет. Завтра посылаю его в Союз Драм‹атических› Пис‹ателей›. Повестку подписываю и вкладываю. Любопытно что? Ты распечатай и посмотри, а потом мне скажешь и от кого. Письмо немного запоздало. Наверно, и мои запаздывают. Тут есть ящик у церкви — вынимают в 12 ч. дня, я и кладу. Что ты, разве я сержусь. Я уж думаю так: в августе ты опять поезжай, впрочем об этом лучше потолкуем. Я все хочу, чтобы ты и Наташа теперь "питались" лучше, а то ты ослабеешь и Наташа захворает. Пишу

тебе каждый день, не моя вина, если письма не во-время приходят.

Я устроился окончательно, все прибрал, расставил и чистоту и порядок соблюдаю образцовый. Все на своем месте и двинуться не должно. Только тебя нет. Но ведь июль скоро. Над твоей кроватью иконки повесил и картинку — Божия Матерь, стянул у Николая. А большую икону "Трех Радостей" все не решаюсь.

Хорошо бы няньку сразу завести, а то тяжело будет. Может, Ганна согласится. Где тут искать! И опять намучаемся. А я тебе целый ворох переводов поправлять приготовил. Весь день сижу. Может, что и выйдет. В "Нов‹ом› Пути" обещали выслать за них немного. Из 150 рб. — 25 р. разменял, купил всякого и вот уж под исход. А хозяйки [Анна Гр. Хорошилова] все еще нет. На перевозку извозчикам много вышло. Хочется мне медальон тебе купить и альбом.

Тебе будет работа — перевести с польского Стефаника[109] из "Химеры" и одну хорошенькую драму. Вот я еще раз о няньке, хотел бы, чтобы там устроила.

Вижу, ждать тебя долго, напишу на свой страх Вяч. Иванову прислать одну книгу, а также сообщу наш адрес. Его жена — Лидия Дм. Зиновьева-Аннибал написала большую драму, помнишь, писал из Москвы, драма скоро выйдет.[110] Вот если бы тебе познакомиться с ним, тончайший человек. Он, кажется, единственный покровительствует мне в "Скорпионе".

Напишу Мейерхольду, прислал бы для редактирования драму, а о плате — смотря по работе. Так? Боюсь я без тебя письма писать: и ошибок наделяю и напутаю.

Может, никаких этих переводов и переписываний мне не следует делать? (Хотя Гиппиус убеждена, что я гожусь только как переводчик, не больше). Может, надо мне свое делать?

Мне горько, вижу там же, в Москве, хоть в тех же "Весах" своим занимаются, а я "перекладом" чужого и бесконечной перепиской. Сейчас едва ли что выйдет, без тебя тоскую, и чужим механически занимаюсь, чтобы не сидеть, сложа руки. Ты не осуждай меня. Или так "надлежит" мне — моя судьба? Но ты, ты скажешь мне, чтобы я сделал свое. Только ты и можешь сказать и повернуть тяжелую руку: придавленным чувствую себя.

Я уже писал тебе, напала на меня боязнь и робость — этот "цвет загнанности". Страшно так жить.

Маделунг это понял. И Виктор, когда ему в лицо плюют, и Сергей, когда дрожит от негодования и за себя и за Виктора. Но понимают ли они до самой глубины мое — меня с моей болью? Нет, только ты одна что-то рассмотрела, для них недоступное. С ними я мог бы легко перейти в их жизнь, мне чужую, и в них не вызывало бы никакого отпора: катись по-нашему и тони с головой.

Я даже не знаю, чего у тебя прошу. Наверно, какой-то силы прикрыть меня, чтобы не упасть мне. Угнетенность духа и духовное рабство — куда грознее "социальной" неволи. А в итоге: "пустил ростки и завял".

Как-то надо устроить, чтобы не помыкали, как "вершей в липнущих илах". Посмотри, что происходит, и это вовсе не мелочи, — Саблин назначает свидание и не является, в "Правде" берут "Гостей" [перевод], а через два месяца отказывают; мои 40.000 букв — 100 руб. насмарку.

Те мученья, что ты испытываешь дома, — из-за меня: ведь будь я не я, тебя бы не оскорбляли. Так ведь?

Ползу червем, а надо голову к солнцу держать! Кричит душа.

Напиши Анне Марковне Сухомлиной, Одесса, Софийская № 9 кв. 16, передать записку Всеволоду Сергеевичу Лебединцеву, кажется, его Сергеичем величают? Попроси его выслать на мое имя метрическое свидетельство Наташи. Я заказал в Петропавловской церкви и деньги заплатил дьякону, который записывал крещение.

Целую Наташу. Жду 2-3 июля. Все это время буду сиднем сидеть. Завтра, конечно, напишу.

Да, послал поздравление Сергею с рождением. Я у них много чулок взял, обеспечен. Мне малы, да сойдет, а тебе хороши будут.

Киев 1904 Зверинец 26 июня

Пишу на окне. В комнате за столом очень быстро смеркается. Может, неудобно — не так поставил. На моем столе три белых лилии, красная гвоздика, две розы и между ними три розовых бутона: принесла мне, имени не знаю, прислуживает в доме. Она мне на подушку наволочку шила, купил голубого

тику, дал 30 коп., вот и всегда — все так: дашь — ладно, а не дашь — сентябрем глядит.

Переводил. Потом на почту: опустил письма: тебе, в Союз Драм. Пис. заказным, Мейерхольду и Вяч. Иванову.

Мейерхольд что-то плутует с "Матерью",[111] говорит, "не разрешила цензура" а у меня есть "добавление" (С‹оюза› Д‹раматических› П‹исателей›) с разрешением.

Купил конвертов, бумаги 3-х сортов, гумиарабик, тетрадей, взял из переплета книги. Должно быть, меня обсчитывают: так мало трачу, а вторую 25-ирублевку разменял. Боюсь в город ходить. Теперь до понедельника. Куплю синее стекло к лампе, кофею. И соблазняюсь: медальон тебе и альбом для карточек.

В сад, кроме как за нуждой, не выхожу. Хочу уж с тобой пройти так — в сад. Чую — смотрю — косюсь — хорошо там, в саду. Белые лилии и розы встречают. И мимо прохожу — тебя жду, с тобой пойду.

Мечтаю о Петербурге. Там я не буду на "родине", а буду у "чужих", т. е. и сам буду другим. Хожу своим шагом и говорю "акая" только в Москве. Но и ненавижу я эту Москву, кровно любя. Идешь по улице — и я их знаю и они меня давно заметили — и вдруг охватывает страх: вот на тебя бросятся и ты не останешься безответным и пойдет потасовка. Как у меня в "Пруду".

В "Пруду" я всю правду написал, только сумел ли? И все это так я кровно вчера почувствовал, когда подходил к Найденовскому дому к Mutter'у, когда заглянул в сад.

Но говоря так, в черной волне, я забыл все тепло — дыхание "родного", забыл благовест, распевы, Пасху — колыбельную Москву неповторимую, что улыбнула мой рот. Найду ли я в Петербурге у чужих в чужом городе хоть тень от этого "невечерного" света?

Вчера я писал тебе о "загнанности" и как в таком состоянии развивается "пришибленность и робость".

Ходить в "навете", презираемым, всегда под угрозой получить оплеуху, ходить и знать, что тот вон не подаст руку, — может быть очень гордо. В этой отдельности не безразличной какое может быть напряжение всех чувств — какие до глуби взрывающие молнии, и цветы, они цветут только на раскаленности.

Меня мучает, что ты из-за меня мучаешься, на тебя пала от меня тень, тебя я окружил ненавистным этим кольцом людского "презрения".

Но как долго можно сохранить твердый шаг гордого человека? Нет, на полпути душа запросит тихости, простоты — не лезть в глаза, не вызывать. Вот в такие минуты и развивается пришибленность и робость.

Очень понравилась Вяч. Иванову моя мысль: "театр — обедня".

Человеческие души разные и разными проходят жизнь. Какое же может быть общее "служение"? Надо победить свою отдельность и не замечать, но и другие должны забыть тебя и соединиться с тобой в игре "не в твое и не мое".

А это над тобой — миф.

Миф — сверхвозможное, сверхмогучее — на что смотришь снизу вверх.

Мой Глеб — старец в "Пруду" это миф. У Горького — Лука. Мне Горький и близок за эту свою "лукавую" мысль.

Все рассуждения пишу тебе, а Наташа, поди, плачет. Скоро от Сергея придет посылка, там будет и для Наташи волшебная соска.

Хозяйки еще нет, паспорт не прописан.

Жду тебя. Давай так: будем меньше в город ходить. Хотя и люблю "скверные анекдоты". Это моя страсть — а душа просит тишины под твоим взглядом.

У нас теперь нет тёмных пятен, нет и никаких перегородок. [Моя наивность: понадобятся годы, много годов, чтобы "вышли" пятна и рухнули перегородки].

Жду, жду тебя. Все хочется много для тебя приготовить, и все мне кажется, мало. Собираю и подклеиваю. Привез тебе мой "бальник" — приготовишкой в Моск‹овской› 4-ой гимназии (1884 г.).

Наташу целую.

Напиши о Иерузалиме, не знаю только кому, чтобы выслали мне.

Киев 1904 Зверинец 27 июня

Поздравляю тебя с наступающим днем рождения.

Получил из "Правды", просят указать гравюры к "Японскому искусству". Повидимому перевод не будет напечатан. Ответил. Написал Филиппову: кто такой *Otokar Březina?* [112]

8-й час. С утра за переводами. Только по утру, как поднялся, пробежал к церкви, письмо опустил. Хозяйки еще нет. Нынче на обед вареники с вишнями. Соблюдаю умеренность, все бы прикончил, а всего два съел.

На моем столе две белых лилии, красная гвоздика, 5 роз и бутон. А кругом тишина. Цветочная особенная заброшенного сада. Все это помогает моему сиденью. Завтра в город не пойду — тяжелый день.

До твоего приезда буду переводами заниматься, а с тобой брошу их "под лавку" и за свое примусь. [А надо было бы как раз наоборот. Такой тишины больше не будет да и молчания].

Прочитал в "Киевских Откликах": корреспонденция из Кракова — Сукеницы-Гостинный двор:[113] живопись в костеле Марии Выспянского. [114]

Вычерпан переводами. Сидел бы с тобой и разговаривал: так на мелькающее в голове или рассказывал бы — "сочинял", а ты — я вдруг увидал бы — лукаво улыбнулась, клычек показала, что означает, я далеко зашел — в "невероятность". [Я всегда любил сочинять самые неправдоподобные истории, к сожалению, это так мало отразилось в написанном мною: в моих рассказах "боль и скорбь", а не эта веселость — изустная].

Сажусь опять за стол. Теперь уж скоро. Наташу поцелуй.

Киев 1904 Зверинец 28 июня

А пришлось проехать в город. Два окна без занавесей, купил коленкору и тесьму. Еще табаку и кофею.

С утра перевожу. Очень поздно лег.

Снилось мне, будто мы живем в странной комнате. Столы в щелях. И всякое наше дело выходит по-чудному. Помню, взял книгу — и на самом интересном месте страница вырвана. Хотел картину повесить, а на обороте другая картина — и вешать нельзя. И так мы бились — бились, досадно было, потом успокоились. Но покоя ничто не сулило: все пропадало и летело в какую-то раскрывающуюся прореху. Успокоенно, но в безнадежности, я проснулся.

А ведь так иногда идет и в жизни. Тут сон отражение моего состояния.

Когда я зажег лампу и мухи несметными стаями налетели к чернильнице, ко мне вошел со свечкой в руках старик из соседней комнаты. Пришел познакомиться — это брат хозяйки. (Завтра утром она приедет).

Рассказал мне, что он приехал сюда недавно, в *июле* и неделю не был прописан. Этот "июль" меня смутил, может быть в "июле прошлого года"?

И вот, когда он ушел со своей свечкой, стало мне его очень жалко. И за этот "июль" и за то, что он такой старый. Я вспомнил собаченку Лисику с перешибленной задней лапкой. И забыв о старике со свечей, стал думать о этой собачке.

И прожил какой-то отчаянный час, надрываясь от бессилия не дать этому давно "пропавшему" Лисику мучиться.

Лезли в глаза мне и звери и люди — больные и увечные. И мои лилии и розы у лампы увядали. ["Эта жалость" пройдет через всю мою жизнь — терзания жалости].

Не посмейся над мной, а поцелуй Наташу. Жду тебя, как ждал все эти дни и ночи.

Получил твое письмо. Я приеду к 5-м часам на трамвае. Извозчики очень дороги 1 рб. – 1 р. 50 к. О приезде я не сомневался, что это лишь "минута".

Телеграмма от Сергея, поздравляет тебя.

Киев 1904 Зверинец 29 июня около 11-и ночи

Так запереводился, что большой палец заболел. Это письмо вынут из ящика завтра в 12 ч. д., придет 1-го VII. Если будет дождик, напишу еще, а не будет, стало быть, и писать не стоит.

Приехала Анна Гр‹игорьевна› [Хорошилова].

Когда я проснулся, слышу за стеной разговор. (Придется нам говорить тихо!) Обо мне: кто я такой? Очень мне было чудно и жалел, что проснулся поздно, начала не слыхал.

Я прибил к дверям карточку: "А. М. Ремизов, С. П. Ремизова, Н. А. Ремизова". "Наталья Алексеевна это моя мать, скоро приедет в Киев" — рассказывал старец со свечкой, он вовсе не брат хозяйки, а отец ее зятя.

А кухарка:

"Паспорт прописать просил, сказывал, *большие* деньги получить ожидает на почте: встает поздно, ложится поздно".

Анна Григорьевна Хорошилова [Котоурова] по голосу похожа на Днепрову Чайку [115] [Херсонская писательница], а с виду – на какую-то рыбку, "50 лет живет на Зверинце, 13-ый год, как муж помер, 6 человек детей". Тебя очень любит: ты — "жизнерадостная такая". Советует привезти няньку из Берестовца, достать хорошую тут трудно: "хорошая на месте живет".

Отдал прописать паспорт.

С приездом хозяйки обед был хороший, куда лучше, а то по-"тюремному".

Пройдем на кладбище, там есть какая-то горка: хороший вид. Это из разговоров о Киеве.

А с твоим рождением я напутал. Твое 4 июня. С именинами спутал 24 июля.

Читал дневник Mutter'a — 1869-1870-1871 г. Хотел сделать выписки, да раздумал. Твое впечатление?

Прости, что мало и неразборчиво и бессвязно.

КИЕВ

Безаковская, 20 кв. 17. Занимаем 2 комнаты в квартире у А. Г. Хорошиловой. Она с дочерью и сестрой Марьей Григорьевной — из "На ножах" Лескова. Лев Исаакович Шестов [116] (Шварцман), С. Н. Булгаков[117] (впоследствии о. Сергий), проф. Челпанов,[118] В. В. Водовозов,[119] Н. М. Минский.[120]

Киев 1905 Безаковская 8 янв.

Ждал-ждал, а время идет. Видно, не дождусь. Заходил Н. А. Бердяев. С ним к Л. И. Шестову. А сперва к Ник. Кон. Мукалову.[121]

Как подумаю Бубуничку без меня купать будете, Господи, как это ужасно.

Приходится итти: уж скоро восемь.

[Н. К. Мукалов, б. ссыльный в Сольвычегодск, моряк-мичман однажды встретился после стольких лет в Париже, он служил в Англии — капитан дальнего плавания, и ничего не

знаю – после войны – о его судьбе. Человек смелый и "бесстрашный"].

[Лев Исаакович Шестов ‹умер в› 1938 г.].

МОСКВА

Еду с разрешением: м‹инистр› в‹нутренных› д‹ел› кн. П. Д. Святолпок-Мирский снял пятилетний запрет Москвы и Петербурга: больше не надо мне по дачам околачиваться. И опять: одна забота — нет денег! Объяснение с Брюсовым: "парчевая заплата". А. Архангельский[122] – музыка на мои "стихи" из Шурим-бурума.

Москва 1905 25 январь 10 ч. у.

Скоро Москва. "Тихонова пустынь" — а я прочитал "Тихая" — как это прекрасно! Почти не спал: кругом стеснили. Посмотрю на часы — и замечаю каждый час. Так прошла ночь.

"Девочка далекая, спи мечта моя,
песня одинокая, над тобой, как я..."

Измытарилась, везла баба Бубуничкину ровестницу и все хлебом кормила, а девочка кричит.

У меня одна мысль: устроить все и телеграфировать.

Один говорит: "не нами начато, не нами и кончится!" — косная мысль.

А другой: "бывает много мотивов и ни один из них не мотив!" — в этом уж искорка.

А третий — Боже мой, чего только тут не было в его рассказе: и вечевой колокол в Запорожской Сечи и Куропаткин.

"Я между — кровью, песней и пляской". А недурно сказано.

Ты, может, очень права: "чем старше душа..." — только так мне этого не хотелось бы! [Тем трезвее]

без четверти первого ч.

Подъезжаем к Москве. Целую Бубуничку. Вечером напишу. Ничего не чувствую, а прежде как волновался: Москва!

Москва 1905 25-26 янв. 3 ч. н.

С вокзала к Сергею. Никого дома. Занялся Еленочкой: она курносенькая на длинных ножках. "И вы тоже папуля?" Рассказывал ей о Бубуничке: "наперсточек".

Пил чай и обедал. О театре.

Николай заподозрил меня, будто я прельстился ризой иконы [Трех Радостей]. Нехорошая история.

Прямо в "Весы". С Брюсовым. Пришлось взять "В плену" и "Стихи" ["Шурим-бурум"]. Отзыв Брюсова: "ваше для нас — на сером парчевая заплата". В январе в "Весах" напечатает о Бегасе,[123] в феврале "о Киевском музее" — но ведь это "мое", а не "мое", в роде Гиппиус: "мои переводы", но не "мое". "Иуду" будто бы сдали в печать для "Северных Цветов" — "в том виде, как он у меня написан". Я поверил. [И не думали никуда отдавать: это утешение на загладку отказа]. Условился с Брюсовым о свидании.

Много народу и разговаривать "в корне" неудобно было. Так на "парчевую заплатку" я только взглянул, но ничего не сказал. Но и тут произошло трудное для меня дело: Брюсов предложил написать рецензию *о* Шестове и непременно на этих днях.[124] И опять "О" — и что без тебя буду делать!

Вяч. Иванова нет в Москве. В редакции все "декаденты" и не встретил ни одной "декадентки". Для Елены Ивановны[125] [Булгаковой-Токмаковой] адрес Брониславы Рунт:[126] Москва, Цветной бул. 24. Посмотрел новые книги и домой.

До 12-и с Сергеем.

1) Как получишь письмо, сообрази: если успеешь все обделать, то не дожидаясь 1-го февраля, приезжай с тем поездом, с которым я приехал. Есть лишняя комната, где я сейчас, тут поживем пока.

2) О деньгах выясняется.

Да часы у Муттера наверху — под которыми мы "мышей топтали", стуча каблуками, — нет их: "изломались" (?) и их выбросили. А какие часы, сколько выражения: утреннее, вечернее, на великом посту, пасхальное, перед экзаменами и после.

3) О моем свидании с Николаем сообразит Сергей.

Читал немного из "Часов" [Написаны в Киеве 1904 г.[127]]. Показывал "архив". И вот в этой ужасно-натопленной комнате — на ночлег.

Пообдумай, а хорошо было бы. Целую вас обеих — моих единственных.

Билет до Москвы – 7.50; 4 апельсина – 20 к.; кипяток – 6 к.; пирожок – 5 к.; носильщику в Киеве – 30 к., в Москве – 25 к.; извозчик в Киеве – 30 к., в Москве – 35 к.; швейцару – 20 к.; извозчик в "Весы" и обратно – 90 к.; швейцару в "Весах" – 15 к. [10 р. 31 к.].

Москва 1905 25-26 янв. 3 ч. ночи

Прости, если не совсем отчетливо: белое, водка, коньяк, ликер и шампанское. Читал I часть "Часов". Но не от этого я заслабел, а от сегодняшней бессонной ночи.

Был в "Весах". Все тоже. В янв. отзыв о Бегасе; в февр. "о музее". И о Шестове, завтра сяду, боюсь, наделаю ошибок. "В плену" и "Япон‹скую› гравюру" — не напечатают. Все тоже. С Брюсовым "разговаривал" — как-то смотрели друг друга, молча. И опять на загладку: "Иуда" без сокращений набирается для "Северных Цветов".[128] Что-то мне говорит, что ничего не выйдет. Повторяю себе: "парчевая заплатка".

О деньгах надо спросить у Виктора, а Сергей постарается. Виктор получает не только свое банковское жалованье, но и как офицер — 70 рб. Это хорошо.

Н. А. Найденов единственный отказался подписать конституцию, за что теперь на Москве в великой силе.

А тебя с Бубиничкой ждали. Вот я в отдельной комнате. Легко осуществить и твой приезд.

Заяви, что бросаем квартиру. Логачу[129] [шорник, ссыльный в Устьсысольске] надо сказать, чтобы он отправил вещи до 1 февр.

Бери билет 2 к. с плацкартой с поездом 11.30.

Так подумай, если только это не поздно, впрочем, я размечтался: хочу, чтобы и ты была и Бубуничка.

Поклоны от Сергея и Варвары Федоровны (легкая подмазка, но я моими "слепыми" глазами заметил).

Москва 1905 26-27 янв. 5 ч. у.

Сейчас ушел П. П. Суворовский. Читал "Часы". Толковали о изданиях. Много тут темного. О "Скорпионе". Завтра свидание с Брюсовым. Написал о Шестове; Суворовский поправил ошиб-

ки, хотя на одной фразе бились, а ничего не могли сделать: как это по грамматике. А ведь "парчевая заплатка", пишу с голоса, а не по "правилам". А трудно было: сиднем сидел, а и двух строчек написать не могу: на новом месте. Да и беспокоюсь, как у тебя.

О деньгах смутно. Как и в тот раз. Жалею, что Виктора не повидал: от него зависит очень много. А хочется поскорее все устроить. Мне все хочется "поскорее", да никогда у меня это не выходит. Осталось: свидание с Муттером — и в Петербург.

С Брюсовым поговорю о деньгах. Какая пустота! — одна и одна эта мысль, эта проклятая — "поговорю о деньгах"?!

Да, нам непременно надо было переехать в Петербург. Я это понял. Иначе все будет валиться и — повалится.

Достать бы у Николая Четьи-Минеи: он их нашел у себя. А говорит Сергею, что мне их, как своих ушей никогда не видать. И все это из-за иконы [Трех Радостей].

Да, ты права. Я вот сидел над Шестовым, а сам думал: если бы тебя не было, к кому — к кому мне итти?

Целую вас обеих. Вспоминаю по часам, что у вас делается.

Сергей купил мне одеяло.

Москва 1905 27-28 янв. 2-й ч. н.

Встал поздно. Поехал в "Весы". Боже мой, какой холод, все пальцы окоченели. Не раздеваясь, разговаривал с Брюсовым. В "Искусство" не пошел.[130] Выйдет только несколько №№-ов. О деньгах, самое нужное, не разговаривал. Потому что со мной ничего не говорили, не уславливались. Взял "Сынов земли" (перевод), I т. Бальмонта, "Жало смерти" Сологуба.[131]

В драмах изд. Саблина Пшибышевского напечатано; перевод А. и С., я куплю.[132] Брюсов приглашал к себе обедать. Но я не успел. А это было нужно, как деньги.

У Муттера: взял от мощей туфельку Варвары Великомученицы и рукавички — бархатные с крестами Алексея Митрополита. А из "еды": "на книжку" — сахару, чаю и кофею. А для тебя "бисерную картинку кружечек" и узоры для вышиванья 30-х годов. Бубунику карточку Муттер потеряла.

Вернулся в 10 ч. и до сих пор разбирал с Сергеем старые книги из нашей библиотеки, взял сверху от Муттера.

Завтра вечером к Николаю обедать.

Еще раз говорили с Сергеем о деньгах — постарается.

Ужасно устал.

28 I 9 ч. у.

Поднялся рано: очень тепло в комнате. Лежал, проснувшись, и думал. Сергей говорит, что в Москве можно купить некоторые вещи в кредит. Думаю, так и сделать. Это о кроватях. [Конечно, никаких кроватей "в кредит" и ничего]. Или твою перевезти из Киева?

Что-то даст мне сегодня Бог. Возьму ли у Николая Четьи-Минеи или вылечу за порог? У меня непреклонная решимость и ничего не страшно.

Еще две шкатулки достал для тебя. А как жалко, что наши часы погибли! Наверху я везде искал — нет нигде. А страшно бывает ходить по комнатам, где прожил столько — прошло детство — двадцать лет. [В ноябре 1897 г. когда попал в тюрьму, а из тюрьмы прямо в Пензу].

В Петербург, наверно, в понедельник – 31 I. Как приеду, прямо примусь устраивать наше жилье. Вечером придет А. А. Архангельский. Мне говорил Суворовский, что он написал музыку на мои "стихи" (Шурим-бурум).

Хочется мне очень колечко тебе купить.

Извозчик в "Весы" и обратно – 60 к., на чай Марье (у Муттера) 50 к. [1 р. 10 к.].

Москва 1905 28-29 янв. 3 ч. ночи

Только что ушел А. А. Архангельский. И я могу все же писать. Боже мой, до чего меня все это взволновало. Как на иголках. Все сделал, что было нужно, а вот и еще должен жить тут, чтобы достать хоть сколько-нибудь денег.

У Николая не был. Назначено на воскресенье. На понедельник беру билет в Петербург с 5-ичасовым. Меня всего передергивает. Я никак не могу принять этого. Кто мы? Что мы? А, может, без меня ничего бы этого не произошло? [Должно быть, это относится к семейным неурядицам в Берестовце].

Целый день поправлял шкатулки: одна очень старинная на ножках, а большая дубовая — для чая и сахара.

Музыка на мою "Мглу"[133] не трогает: монотонна и не звучит, а тянется.

Измучилась ты. Ну, победи в себе эту напасть, эту липкую — мелочь. [А может, это относится не к Берестовцу, а к квартирным неладам: С. П. переехала на Иванову, 65 кв. 22].

Москва 1905 29-30 янв.

Получил немного денег. Купил тебе колечко с альмантином — красный камень. У Сергея есть поэмы в прозе Пшибышевского, переводчик не указан, но видно, матерьялом послужили наши переводы. Заплатил он за книгу 1.75. Надо непременно купить драмы.

Нашел "приятеля": студент Военно-Медицинской академии, поклонник Чехова. Привел его Суворовский. Едет со мной в Петербург. Обещает мне помочь и в квартире и в обстановке.

С "кредитом" дело не вышло.

А. А. Архангельский пишет музыку на мое: "баюкай меня, ночь". Завтра в 12-ть к Николаю. Что-то выйдет. Господи, хоть бы денег достать! Билет в Петербург купил. Сергей обещает достать розовых носков.

А как мне хотелось еще колечко — с аметистом!

Москва 1905 30-31 янв.

Целый день у Николая. Вытянул 20 руб. на журналы: может, удастся, хоть сколько-нибудь утилизировать.

И целый вечер скандалов.

Потащили меня на вечер к "музыкальным" московским аристократам. Проба (репетиция) "вечера", который предполагается в Дворянском собрании. Н. П. Суворовский о чеховской "Чайке" и о "новом искусстве". А кончилось: холоп смялся в комок с аристократом. Ну, Бог с ними.

Сергей купил тебе медальон с опалом и зелеными камушками (хризопрас). Не переменить на серьги? Как думаешь? Или Бубуничке пойдет? Завтра решу утром. Завтра в 5.30 в. — в Петербург.

ПЕТЕРБУРГ

Саперный пер. Редакция "Вопросы жизни" (Новый путь) [3 этаж]. До переезда на 5 этаж. Устраиваюсь: С. П. приедет из Киева с Наташей.

Я "заведующий хозяйственной частью". Жалованье — 35 рб. Контора берет все время, а для себя не остается минуты.[134]

Петербург 1905 с 31-1 II 8 ч. у.

Скоро Петербург.

На последок купил ковер для Бубунички; а медальон с хризолитами сойдет за брошку. Со мной студент Воен. Мед. Академии — вся дорога под Чехова. Сегодня же примется искать квартиру и все по хозяйству поможет мне. [Чеховского студента видел в первый и последний раз].

Петербург 1905 1 февр.

Саперный пер. 10 "Вопросы жизни" (Новый путь)

Третий час, как приехал, и прямо за дело. Ходил получать деньги, укладывал книги; вырезал бандероли. Дело несложное. Виделся с Дм. Евг. Жуковским.[135] Условия: 35 руб. в месяц и квартира вместе с Чулковым [секретарь редакции]. Редакция переводится в другой этаж. В доме подъемная машина (лифт). 11-го февраля все будет закончено с устройством, а числа 12-го я протелеграфирую о твоем приезде. Раньше никак невозможно: в верхней квартире живут.

Я согласился. Ведь, за 25 руб. где же найдешь квартиру с отоплением и освещением. Дрова и электричество хозяйские, а топить будет мальчик от редакции. Столом будет заведывать Н. Г. Чулкова. Наши, точно не знаю, две или три комнаты. Две, должно быть: одна в другую. Послезавтра пойду покупать кровати, стол.

Привезешь ли ты Ганну[136] или еще какую?

Говорил о тебе. Работа найдется. Виделся с Бердяевым. А устал с дороги.

Денег, кроме 25 р., в Москве не достал. Есть от Николая на журналы, с ними всего 45 рб. Их и истрачу. А Бубуничке куплю кроватку, стульчик и суднышко. Себе и тебе по кровати, два стола для занятий и стол обеденный, и стульев.

Петербург 1905 1 февр. 11 ч. в.

Вернулся от П. Е. Щеголева. Его не застал, видел Вал. Анд. [Щеголеву]. У них Савинковская нянька.

Дорогой смотрел кровати — хорошо бы взять из Киева твою кровать. Квартира у П. Е. Щеголева ничего, а наша куда будет лучше! [Две клетушки]. Н. Г. Чулкова привьет оспу Наташе — советуют тотчас по приезде. Для Наташи будет большая комната. [До чего воображаю и верю в свое]. Кухарка и провизия общие с Чулковыми, а хозяйничать будет Чулкова.[137]

Рассказывал о нашей жизни в Киеве. И очень просил так устроить — да и без моего наши комнаты будут отдельно. Жаль, что эти 10-11 дней тебе придется помытариться в Киеве, а мне тут — без угла.

И завтра заниматься: очень уж запущено. О няньке: рекомендуют взять с собой. Тут очень дороги, и важные. А лучше по-проще. А то запросит отдельную комнату, а где ж ее взять!

Тебе будет корректурная работа. Сейчас не занять. Я попросил Чулкова и Бердяева — обещали.

О "Пруде" говорят, "сокращения сделать, где неясно, или прояснить". Посмотрим.

А хорошо, коли устроимся, больно чисто тут. Поскорее бы.

Денег у меня 50 руб. и мелочь. Говорил Чулкову. Чулков успокоил: "если не хватит, поддержут". До свидания. Как ты, беспокоюсь.

2 II.1905 8 ч. у.

А если тебе вздумается, поезжай раньше в Москву. Это со сна мелькнула мысль. Попью чаю и заниматься.

Петербург 1905 2 февр. 20' 12 ночи

Завалюсь-ка я спать. День деньской измытарился. Как поднялся, писал письма — 30 написал. С Чулковым к Мережковским. Чулков по делу, а я так, посмотреть.

Видел З. Н. Гиппиус. Ни слова, кроме: "здасыте". На Чулкова оба злы. А меня холодно встретили, не столько он, сколько она. А кривляка порядочная. А что волосы кладет на колени, изобретение Н. А. Бердяева. Может, ему случайно положила. Если сидеть близко, а на расстояние никаких волос ни

на меня, ни на Чулкова. А волосы, действительно, грива. Только холодные, не дышут и не искрятся. Умные какие-то. П. Е. Щеголев пел тюремную: "пусть он поищет волос умиленья". Вот уж никакого "умиления".

С Чулковым обедал у Палкина.[138] От Палкина на минуту к Н. А. Бердяеву и домой.

Кончил разбор редакционных рукописей, отобрал свои с буквой "В" ["Вернуть"]. А на некоторых надписи З. Н. Гиппиус: очень нелестные.

Познакомился с Волжским. Это один из редакторов и защитник "Пруда".

Господи, поскорее бы устроиться, а то на-людях, без угла тяжко. И эта трескотня — разговоры.

П. Е. Щеголев не был. Завтра в Союз Драм. Писателей.

А холодно на улицах. Успел схватить насморк. Пронизывает. Куда в Киеве. Пиши, как и что, Наташечка-то как?

Петербург 1905 3-4 февр.

Только что закончил работу. Хочется привести все в порядок. Так с утра. На полчаса выходил в Союз Драм. Пис. О разрешенных переводах послано, куда следует. Деньги, (если будут!) могу получить во всякое время, а не то только в конце года.

Приходил П. Е. Щеголев. Он достал тебе урок с барышней говорить по-русски за 1 час — 2 руб. [Никакого, как оказалось, урока]. Поскорее бы все устроилось с этой проклятой квартирой.

К. Л. Тышку[139] наверно, напечатают в феврале. [Не напечатали]. "Пруд" — с мартовской книжки. Еще надо подождать отзыва от Дм. Е. Жуковского, ведь он хозяин, и капризный, хотя и добрый, сразу почувствовал, и красивый, не по-русски, что-то античное. Страсть: ездить и смотреть имения, но не покупать. Так вот за ним остановка. Бердяев и Булгаков и Волжский и Чулков согласны.

В 6-ть у П. Е. Щеголева. Павлушка похож на отца и уже говорит все. Угощал коньяком. Выпил 3 рюмки и домой. И я опять засел. Уж очень беспорядочно.

Беспокоюсь, как ты.

А знаешь, от Щеголева я шел пешком и не заблудился — по Знаменской в Саперный. Хорошо бы устроилось, как думается, тогда бы не так пришлось много ходить.

Как, как Наташечка? Скорее, скорее!

Петербург 1905 5 февраля 11 ч. вечера

Получил твою телеграмму. Я так тебя понимаю и так бесюсь. Сегодня решили к 12-му II переехать наверх. В переезде заинтересован Н. А. Бердяев, он и подгоняет.[140]

Послал в 9 ч. в. телеграму на Вл. В. Татаринова.[141] Но адрес — № дома — 66? Забыл.

Опять целый день занимался. На моих руках касса, приходится очень тщательно проверять, и страшно. Все поставил на место и расписал все книги — бухгалтерия. Вот никогда не думал сделаться заведующим хозяйственной частью. Моя бухгалтерия у Сегаля в Вологде (Часовой магазин) только развлечение, а тут большое дело: типография, бумага, гонорар, экспедиция.

В Весах в 1 кн. 1905 напечатано о Бегасе и о постановке Гофмансталя у Мейерхольда.[142] Мне еще книжку не прислали.

Сейчас происходит редакционное собрание, куда я не вхож, я сижу в уголку за своим "хозяйственным" столом и разговариваю с тобой. Мое дело регистрировать рукописи, но мнения не спрашивается. И какое же мнение у заведующего хозяйственной частью?

Как только редакция переедет наверх, сейчас же телеграфирую и ты выезжай.

Измытарился. Угол за ширмой, где мои вещи; перебрал. Вар. Фед. [Ремизова] дала голубой лиф, а Натусе красненькие туфельки, в салфетку завернул. Берегу тебе апельсин от Муттера. Разговоры кончают. Разойдутся и я залягу. Поскорее бы, поскорее, Господи!

Петербург 1905 6-7 февраля 2 ч. н.

Только что угомонились. Разобрал редакционный отдел и привел в порядок книги. С нетерпением жду 10-е II, начнется переезд. Завтра иду покупать кровати, стол. Завтра принесут

московскую шкатулку на ножках (у Муттера взял). В нее и переложу твои вещи.

Говорил о обеде. Когда ты приедешь, выяснится, но все идет к тому, чтобы Н. Г. Чулкова вела все хозяйственные распорядки.

Никуда не выхожу. Уж мы вместе пойдем. Выходить боюсь — заплутаюсь, а на извозчике — не покатаешься.

Одно меня радует, мы осядем в Петербурге и все со временем наладится ["Вопросы жизни" просуществовали только год и мы очутились на улице].

Я уже писал, к литературным делам я не имею никакого касательства. Хорошо это или нет, — может, нет. Но так вышло, стал я "бухгалтером".

Жду я так тебя. Натусеньку целую.

Петербург 1905 7 февр. 10-ь вечера

Скоро и переедем. 10-го II квартира очищается: сегодня справлялся Бердяев. Купил кровати и Натусе кроватку с тюфячками — 33 руб. Купил Бубуничке стульчик — складывается столик и стульчик — 7 р. 25 к., тоненькую золотую цепочку — 7 р. 50 к., зайчика — Наташечке и тебе беленькую крыску с тоненьким мышиным хвостиком. Заказал полку для книг — 8 рб. Заказал 3 стола, дюжину стульев, гардероб, комод. Взял аванс 100 р. И всего 300 руб. А то б мне не развернуться.

Из Москвы, как писал, удалось вместе с Николаевыми поручениями собрать 50 рб. Если бы еще! 28 фев. жалованье получу. 35 р., да Виктор обещал 25 р.

Все растаяло. Сегодня ехал на колесах.

Был Д. В. Философов, обещал Мир Искус‹ства› за 1904 г. комплект.

О нас создалась слава нехорошая. Предлагал "Японскую гравюру", говорят: "плохо переводите". Слава Богу, Н. А. Бердяев поддерживает. Может, в феврале пойдет.

Сегодня было заставили бандероли клеить, уперся — видел тебя: перед глазами. Ухо востро надо держать, живо насядут. А то будет тоже, как у Мейерхольда, погонят и на почту, заказные сдавай.

А что поделаешь. Боюсь, за "Пруд" очень мало дадут, не 100, как всем, а 50 рб. – за лист. И не поспоришь. А если бы 100!

Куплю одеяло, подставку под таз, креслице для горшочка Натуне, коврик для тебя, шторы.

Будем жить на 5-м этаже. Подыматься — подъемная машина (лифт), не пугайся. Пеленки стирать на кухне, а вешать на чердаке.

Померил цепочку — маленькая она очень. Лягу спать. О своем — нет времени.[143] А может быть, я и действительно ни на что не годен и стою очень дешево, если на деньги.

* Первая часть текста была издана в "Europa Orientalis" IV (1985): 143-190.

[1] О театральном сезоне "Товарищества Новой Драмы" в Херсоне см. К. Рудницкий, *Мейерхольд*, Москва 1981, Искусство, стр. 65-77; о сотрудничестве А. М. Ремизова с В. Э. Мейерхольдом см. *Иверень* . Редакция, послесловие и комментарии О. Раевской-Хьюз. Berkeley 1986, Berkeley Slavic Specialties, стр. 97-107; *На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло*, "Europa Orientalis" IV (1985), стр. 171-190; Ю. Елагин, *Темный гений (Всеволод Мейерхольд)*, London 1982, Overseas Publications Interchange, стр. 416-418 (письмо А. М. Ремизова к Ю. Б. Елагину от 2. X. 1952).

[2] Ремизов был недоволен условиями новой "службы"; еще до открытия сезона "Товарищества Новой Драмы" (15. IX 1903) он пишет А. Маделунгу: "вся моя, *моя* деятельность в театре только в мечте, а пока нагружают земным" (9. IX. 1903), и Брюсову: "поступил в театр пьесы подбирать для репертуара. Думает он [Мейерхольд] день в неделю посвящать одиноким: ставить старого Метерлинка, Пшибышевского, устраивать вечера памяти По, Бодлера. Что из этого выйдет — не знаю. Город прежде всего глупый, потом косный" (18. VIII 1903). См. *Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу*, Copenaghen 1976, Rosenkilde and Bagger, стр. 14-15. Среди спектаклей поставленных Мейерхольдом в этом сезоне в Херсоне: *Снег* С. Пшибышевского, *Монна Ванна* М. Метерлинка, *Нора* и *Привидения* Г. Ибсена и *Вишневый сад* А. Чехова (См. "Режиссерские работы Мейерхольда" в кн. В. Э. Мейерхольд, *Статьи, письма, речи, и беседы*, Москва 1968, Искусство, т. II, стр 592-596).

[3] После окончания сезона в Херсоне в феврале 1904 г. труппа "Товарищества Новой Драмы" играла в Николаеве с 16 по 22 февраля 1904 г.; летом гастролировала в Пензе, а в конце августа артисты начали съезжаться в Тифлис для зимнего сезона, но Ремизов решил оставить свою работу в театре.

[4] О намерении Ремизова переводить сочинения украинского писателя В. С. Стефаника см. *На вечерней заре*, стр. 173. *Рассказы* В. Стефаника (*Смерть, Дорога, Мое слово*) в переводе Серафимы Ремизовой вышли в "Вопросах жизни" 1905 г. (кн. 4-5, стр. 50-58).

[5] 7 августа 1903 г. Ремизов писал А. Маделунгу: "Перевожу сейчас *Снег*, последную драму Пшибышевского"; и 9 сентября 1903 г. ему же: "С помощью Серафимы Павловны перевожу *Над морем*. Да, я получил через одного знакомого артиста, ездившего к Ст. Пшибышевскому для переговоров о постановке *Снега* в моем переводе" (*Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу*, стр. 13-14). В переводе А.М. и С. П. Ремизовых пьеса была впервые поставлена Мейерхольдом в Херсоне 19 декабря 1903 г., а затем в 1904 г. в Тифлисе и год спустя в "Театре-студии" в Москве. (См. "Режиссерские работы Мейерхольда", стр. 595-596; В. Э. Мейерхольд, *Переписка 1896-1939*, Москва 1976, Искусство, стр. 360). В статье "Товарищество Новой Драмы. Письмо из Херсона" ("Весы"1904 кн. 4, стр. 39) Ремизов дал общую оценку двух сезонов театральной группы и особо остановился на постановке пьесы Пшибышевского: "*Снегу* не повезло. Публику обухом по башке хватило. До жалости". Русским переводам пьесы Пшибышевского посвятил статью в "Весах" С. Ещбоев (псевдоним С. А. Полякова), где резко критиковал перевод Ремизовых, приписывая ему неудачу спектакля: "Эти переводчики знают польский язык совершенно по-особенному: они почему-то убеждены, что каждое польское слово, похожее по звукам на какое-нибудь русское, и по значению ему соответствует. Вместе со всем тем это единственный стильный перевод, но нервный, ломаный стиль г-на Ремизова, успешно применяемый им в его оригинальных рассказах и стихотворениях, совершенно не подходит к плавному ритму *Снега*. Мне не удалось видеть драмы Пшибышевского на сцене, но полагаю, что перевод в значительной мере способствовал затемнению многих мест пьесы и вполне оправдывает недоумение публики" (1904, кн. 5, стр. 55-56).

[6] В Херсоне "Строитель Сольнес" Мейерхольдом не был поставлен (см. "Режиссерские работы В. Э. Мейерхольда", стр.594-595).

[7] О дружеских отношениях Ремизова и Щеголева см. воспоминания вологодской жизни "Северные Афины" в кн. *Иверень* (стр. 237-272) и *На вечерней заре* (стр. 153-190).

[8] О значении красной строки Ремизов писал: "В старину была одна-единственная, ее писали киноварью, отсюда и красная. Весь текст писался сплошь. Книг было мало, и что читалось, умели читать. Ведь и знаков: запятых и всяких многоточий и тире не было. Красные строчки идут с XVIII в." Кр. стр. — как и знаки препинания — передают *интонацию*. Рукопись приближается к партитуре. Кр. стр. указывают на интервал (intervallum), по русски "брешь" (Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов*, Paris 1959, стр. 140).

[9] Об Одессе краткая запись Ремизова в дневниках С. П.: "С нею связана весна 1904 г. Акации в первый раз видел, как цветет улица (Дерибасовская). Рождение Наташи. Тут была и самая настоящая нищета. Жутко вспомнить. Приезжал Вл. М. Саблин, дал 100 руб. (Издатель). Море — это в первый раз. Из Одессы переехали в Киев. Какая-то барышня Сапожникова, она и привела Вл. Лебединцева, крестил Наташу" (*Книга записей С. П. Ремизовой-Довгелло*, III, Парижский архив Н. В. Резниковой, стр. 43).

[10] О житейских трудностях в Одессе Ремизов вспоминает в книге *В розовом блеске*: "Когда-то тоже в Одессе, жили мы в щели на Молдаванке, тогда родилась Наташа. Что было делать? И я написал Льву Николаевичу Толстому и Иоанну Кронштатскому, ответа не получил: первый мудрец и первый святой на мое не откликнулись" (Нью-Йорк 1952, Изд. им. Чехова, стр. 341).

[11] О жизни Наташи Ремизовой (1904-1943) и о семейной драме писателя подробно пишет Н. В. Резникова в воспоминаниях (*Огненная память*, Berkeley 1980, Berkeley Slavic Specialties, стр.44-59). Тяжелые отношения Серафимы Павловны с семьей и мучительное отдаление от своей дочери отражается на многих страницах ее дневников; например, в 1916 г.: "когда *у меня моего ребенка отняли* мои родственники, т.е. мои 2 сестры, мой брат и даже моя мама, *я очень тогда страдала, ночи не спала, плакала, томилась*. А теперь не мучаюсь этим, Бог с ними, Бог им судья. Я как-то много из этого факта поняла: я поняла, что любовь настоящая — это когда знаешь человека и любишь его, и еще больше можешь любить и узнавать, и для него любишь, — не только для себя, а для него. А наверно есть такая любовь, когда любят только для него, совсем уже не для себя, а только для него, и эта любовь — самая высокая. А вот я поняла окончательно то, что и раньше понимала, то, что *нет у меня родных*: они ни меня, ни жизни моей не знают и не поймут и не любят меня, конечно, да и нельзя любить того, кого совсем не знаешь — оттого так легко отняли у меня ребенка и еще оттого, что не думают и не умеют думать по правде ни о себе самих, ни о мире, ни о другом человеке. В сущности это — люди страшные и таких людей большинство" (*Книга записей С. П. Ремизовой-Довгелло*, V, стр. 3-4). В эмиграции, в

разговорах с друзьями и знакомыми она больше не упоминала дочь и имя Наташи не произносилось в доме Ремизовых до самой смерти Серафимы Павловны.

[12] О дате ареста и о ссылке см. С. С. Гречишкин, *Архив А. М Ремизова*, в кн. *Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год*, Ленинград 1977, Наука, стр. 21-24.

[13] "Моя ссылка была встречена всеобщим порицанием. Мое имя на годы было как вычеркнуто. Родственники от меня отказались. Имя мое не произносилось, а если из молодых кто помянет, оборвут" (*Встречи*, Paris 1981, изд. Lev, стр. 27). Во время ссылки только младший брат писателя Сергей заботился о нем: "он приезжал ко мне во все мои ссылки: в Пензу, в Устьсысольск, в Вологду. А в пензенскую тюрьму он передал мне *тысячу* штук апельсин — по московски!" (*Взвихрённая Русь*, Paris 1927, Изд. Таир, стр. 172).

[14] Василий Васильевич Сухомлин (1885-1963), журналист и переводчик. Родился в семье народовольцев и в 1903 г. вступил в партию эсеров. Сосланный в Сибирь, бежал из ссылки и в 1907 г. поселился во Франции. Начал печататься в 1915 г. Жил преимущественно в Париже до 1954 г. Перевел на французский язык *Тихий Дон* М. Шолохова (1930-31), *Анну Каренину* Л. Толстого (1949), рассказы М. Горького, И. Бабеля и др. Во время гитлеровской оккупации Парижа выехал в Нью-Йорк, где написал известное "Обращение к русской эмиграции" (1941). С 1954 г. в качестве корреспондента французской газеты "Libération" жил в СССР и выступал в советской печати.

[15] О Всеволоде Сергеевиче Лебединцеве длинная запись Ремизова в дневниках жены: "Я его встретил раза три в жизни. Он крестил Наташу. Когда я познакомился, я думал, что он итальянец, но он оказался русский да еще какой — сын священника. Откуда у него это итальянское и в лице, и как хорошо он говорил по итальянски. У русских вообще хорошее произношение, но тут что-то природное — не только звук, а и движения. Потом я встретил Пиранделло, и мне вспомнилось — как это давно было в Одессе, весна 1904 г. Мы жили совсем одиноко, ни души знакомой. И вот какая-то барышня, вспоминаю, Лиля Сапожникова, отыскала С. П., это было в канун рождения Наташи. Она оказалась дочь каких-то революционеров, которые знали С. П. по Петербургу. И когда надо было крестить Наташу, она и привела к нам итальянца. Он мне очень понравился, живой и без всяких фортелей, открытый" (*Книга записей С. П. Ремизовой-Довгелло*, III, стр. 14). Только после революции 1905 г. Ремизов узнал, что Лебединцев (назвавшийся "Марио Кальвино") был одним из членов "боевого летучего отряда", готовивших покушение на министра юстиции И. Г. Щегловитова. Отряд был выдан властям провока-

тором эсером Е. Азефом и семь из его членов были приговорены к смертной казни через повешение, и в том числе Лебединцев. Расправа царского правительства над членами отряда была непосредственным поводом к созданию *Рассказа о семи повешенных* Л. Андреева на тему о смертных казнях. В Шлиссельбургской крепости перед смертью (17. II 1908) Лебединцев вспомнил встречу в Одессе с Ремизовыми и просил шурина передать писателю "свое последнее" (Ср. *Книга записей С. П. Ремизовой-Довгелло*, III, стр. 15).

[16] "Весы" — главный журнал символистов, выходивший в 1904-1909 гг. в Москве в издании "Скорпион" при ближайшем участии Брюсова (См. К. М. Азадовский и Д. Е. Максимов, "Брюсов и Весы", *Литературное наследство*, Москва 1976, Наука, т. 85, стр. 257-324; А. В. Лавров и Д. Е. Максимов, "Весы" в кн. *Русская литература и журналистика начала XX века. 1905-1917*, Москва 1984, Наука, стр.65-136). Вспоминая свое вступление в литературу и встречу с Брюсовым, Ремизов пишет в *Иверне*: "Через Брюсова я попал в *Северные Цветы*...Через Брюсова приняли мое и у Мережковских в *Новом Пути*. Но в *Весы* я никак не мог попасть. И только в последнем, когда редактором на последнее был не Брюсов, а Андрей Белый" (стр. 235). В действительности же, в *Весах* было напечатано несколько его сообщений из Киева и Херсона и в первой книжке1909 г. рассказ *Жертва* (См. H. Lampl, *Bemerkungen und Ergänzungen zur Bibliographie A. M. Remizovs*, "Wiener Slawistisches Almanach" 1978, Bd. 2, стр. 313).

[17] Сергей Александрович Поляков (1874-1943), владелец издательства "Скорпион", которое играло важную роль в судьбе русского символизма. Сын московского купца А. Я. Полякова, владельца "Фабрично-торгового товарищества Знаменской манифактуры", Сергей Александрович был разносторонне образованным и общительным человеком. В 1897 г. он окончил физико-математический факультет Московского университета; однако его интересы лежали больше в сфере литературно-художественной. Он хорошо знал многие иностранные языки, и в том числе шведский и норвежский. В начале 1900-х годов он перевел и опубликовал романы К. Гамсуна *Пан* и *Виктория*, и его пьесу *Драма жизни*. Переводил также произведения Г. Ибсена, Ф. Ницше, С. Пшибышевского. О его роли в журнале "Весы" и о значении его личности в символистской среде см. К. М. Азадовский и Д. Е. Максимов, "Брюсов и Весы", стр.260-261. После октябрьской революции Поляков принимал активное участие в деятельности Профессионального союза писателей, где занимал должность казначея. В 1920-1930 гг. он серьезно занимался математикой.и продолжал переводческую работу. Умер весной 1943 г. в эвакуации в Казани (См. С. С. Гречишкин, *Архив С. А. Полякова*, в кн. *Ежегодник рукописного*

отдела Пушкинского Дома на 1978 год, Ленинград 1980, Наука, стр.3-22; John E. Malmstad, *From the History of Russian Symbolism: Andrej Belyj and Sergej Poljakov*, "Stanford Slavic Studies", 1, pp.71-102).

[18] "Правда" — ежемесячный журнал искусства, литературы и общественной жизни, выходивший в Москве с января 1904 по 1906 г. Официально редактором-издателем был Валерий Кожевников (инженер-путеец и драматург), но фактически редакционную работу осуществляли А. Богданов (философский отдел), Н. Рожков и М. Н. Покровский (общественно-исторические науки), П. Румянцев и М. Лунц (общественно-политическая жизнь). Общая ориентация журнала была социал-демократической, но отличалась непоследовательностью. В художественном отделе, руководимом И. А. Буниным, значительное место занимали малый повествовательный жанр и лирическая поэзия. Журнал знакомил русского читателя с новейшей иностранной литературой (Шницлер, Пшибышевский, Гофманнсталь, Метерлинк, Стриндберг, д' Аннунцио и др.), но вскоре Бунину из-за разногласий с социал-демократической частью журнала пришлось оставить руководство отделом. В "Правде" печатались произведения Н. Телешова, С. Скитальца, Л. Андреева, Б. Зайцева, А. Куприна, В. Брусянина и др. Из-за трудной борьбы с цензурой в 1906 г. "Правда" прекратила свое существование (см. *Русская литература конца XIX-начала XX в. 1901-1907*, Москва 1971, Наука, стр. 408-409).

[19] Ремизов не раз писал о своей отчужденности от литературной среды Петербурга и особенно от кружка Мережковских. "В те времена *мракобесия* — корифеем был Мережковский, облепленный сверху донизу Достоевским — выражались туманно" (*Пляшущий демон. Танец и слово*, Париж 1949, Дом книги, стр. 37). В парижской эмиграции отношения Ремизовых и Мережковских еще более ухудшились и в ремизовских записях встречаются о них только язвительные замечания.

[20] Труд — книжный магазин на Тверской в доме Бахрушина.

[21] "К свету" — научно-литературный сборник, выпущенный в марте 1904 г. под редакцией Е. П. Летковой и Ф. Д. Батюшкова к 25-летию Петербургских Высших Курсов и в основном посвященный "женскому вопросу". В нем были изданы рассказы В. Г. Короленко, А. И. Куприна, П. Д. Боборыкина, С. С. Юшкевича и статьи Н. К. Михайловского, Л. Я. Гуревича, А. Ф. Кони, Е. В. Тарле. и др. Интерес Ремизова к альманаху был обусловлен, по-видимому, статьей П. Е. Щеголева, "О русских женщинах Некрасова в связи с вопросом о юридических прав жен декабристов".

[22] Вероятно, перевод Бодлера, сделанный Эллисом (*Иммортели*, Москва 1904), о котором Брюсов писал в "Весах" (1904 кн. 4, стр. 42-48).

[23] О поэме Ремизова *Иуда* см. *На вечерней заре*, стр.175.

[24] Поэзия Яна Каспровича (1860-1926) произвела сильное впечатление на писателя, который о своей привязанности к польскому поэту и о переводе *Иуды*, сделанном совместно с С. П., пишет В. Я. Брюсову и О. Маделунгу (См. *Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу*, стр. 18-20). В 1904 г. Ремизов перевел стихами из Каспровича также *Моя вечерная песня, Святый Боже, святый крепкий, Саломея, Гимн св. Франциска Ассизского, Dies Irae, и Salve Regina*, но не нашел издателя для этих переводов (ср. *Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу*, стр. 30).

[25] О перипетиях издания романа *Пруд* см. "Неизданный Мерлог", в альманахе *Минувшее*, III, Париж 1987, Atheneum, стр. 227-229.

[26] В. 1904 г. Д. В. Философов, однако, стал редактором "Нового пути". С осени 1904 г. в журнал вошла группа идеалистов-"общественников" (С. Булгаков, Н. Бердяев, Н. Лосский и др.); в конце того же года Мережковские заявили о закрытии журнала, а группа Булгакова приступила к организации ежемесячника "Вопросы жизни" (См. И. В. Корецкая, "Новый путь". "Вопросы жизни", в кн. *Литературный процесс и русская журналистика конца XIX-начала XX века*, Москва 1982, Наука, стр. 181). О значении "Нового пути" в культурной среде начала века см. также Д. Е. Максимов, "Новый путь", в кн.: В. Евгеньев-Максимов и Д. Максимов, *Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы*, Ленинград 1930, стр. 131-254.

[27] Георгий Иванович Чулков (1879-1939), писатель и критик символистского направления, идеолог и теоретик мистического анархизма. Кончив Медицинский факультет Московского университета, он выступил в печати в 1899 г. и в том же году был сослан в Сибирь за участие в студенческих волнениях. Вернувшись в Петербург, он примкнул к символистам и стал секретарем "Нового пути" и "Вопросов жизни". О совместной с Ремизовыми жизни в редакции журнала и о дружбе двух писателей см. *Кукха. Розановы письма*. (Берлин 1923, изд. З. И. Гржебина). В 1906-1908 гг. Чулков издавал альманах "Факелы", орган мистического анархизма, где сотрудничали А. Белый, В. Брюсов, В. Иванов, Ф. Сологуб и др. Вместе с В. Ивановым был редактором альманахов "Цветник Ор" (1907) и "Белые ночи" (1907). Автор романов (*Сатана*, 1905; *Метель*, 1917) и нескольких сборников рассказов, после революции он опубликовал две книги воспоминаний (*Наши спутники*, 1922, и *Годы странствий*, 1930) и критические материалы о русской литературе XIX века.

[28] Артур Никиш (1855-1922), венгерский дирижер и композитор, который работал в Германии и в Америке. Неоднократно гастролировал в России.

[29] В тот период сотрудничество Ремизова в "Весах" ограничивалось статьей "Товарищество Новой Драмы" (1904, кн. 4), "Нам пишут из Киева" (1904, кн. 12) и анонимными сообщениями "Нам пишут из Одессы" (1904, кн. 5), "Нам пишут из Киева" (1905, кн. 1); "Нам пишут из Петербурга" (1905, кн. 2), "Нам пишут из Тифлиса" (1906, кн. 5). См. H. Lampl 1978, стр. 313.

[30] Николай Александрович Найденов (1834-1905), дядя писателя, по семейному прозвищу Батый. Глава найденовского ткацко-прядильного дела, общественный деятель пореформенного периода, автор двухтомных *Воспоминаний о виденном, слышанном и испытанном* (Москва 1903-1905). "Место на Москве он занимал высокое: несменяемый председатель Московского биржевого комитета. Это тут не заметно, а на Москве: Кремль и Ильинка — Успенский собор и Биржа, два первых холма из семи. Старейший гласный Московской городской думы, с открытия — 1863 года. Так до последних дней своей сверхделовой жизни — умер в 1906 г. от "возмущения": помириться с новыми порядками интеллигентских лодырей и, наряженным в золото, петербургским придворным "пустоголовьем" он не мог" (*Иверень*, стр. 38).

[31] Николай Павлович Суворовский - случайный сотрудник "Весов".

[32] Виктор — брат писателя; с ним Ремизов учился в Александровском коммерческом училище. Был женат на Иде Федоровной Рюккерт. Служил главным бухгалтером в Московском Промышленном банке, основанном Н. А. Найденовым. "В семье Виктора было хозяйственно, немецкие порядки и свободно. В приезд Ремизовых они часто останавливались у этого брата, а Ида Федоровна приезжала к ним в Петербург. У них сын Борис и дочь Галина". В 1914 г. Виктор Михайлович в чине прапорщика запаса был призван на войну и дослужился до подполковника. В революцию был назначен инструктором в Красную Армию. Отряд, которым он командовал, попал в плен к Колчаку и он был расстрелян (ср. Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов*, стр. 76).

[33] О болезни писателя упоминается в кн. *Кукха*. от лица Розанова: "Редкий день не вспоминаю я милого Алексея Михайловича — прикованного к своей комнате-темнице, — и его "язву в желудке"... Но болезнь эта, я всех расспрашивал, — упорна, но не опасна. Крепитесь! Желаю Вам не страдать..." (стр. 83).

[34] В "Правде" Ремизову не удалось опубликовать ничего.

[35] Wilhelm Jerusalem (1854-1923), австрийский философ, профессор Венского университета. Вел острую полемику с кантианством и с идеализмом. Автор книг Lehrbuch der Psychologie (1888), Einleitung in die Philosophie (1899), Kants Bedeutung für die Gegenwart (1904). "В Пензе Ремизов

перевел Леклера *К монистической гносеологии* и трудился над *суждениями* австрийского философа Иерузалема. Леклер был издан в Петербурге, издательство Д. Е. Жуковского. А перевод книги Иерузалема пропал" (Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов*, стр. 149). О своем переводе "суждений" пишет Ремизов в *Иверне*: "Не помню как мне попала книга, забыл и заглавие, что-то гносеологическое, о "суждениях", большой том — труд австрийского профессора с необыкновенным именем Иерусалим; какое-то отношение к Маку и Авенариусу, модным тогдашним философам" (стр. 76).

[36] Речь идет о статье "Японская гравюра" (Drzeworyt japonski) польского писателя З. Пшесмыцкого (Zenon Przesmycki), изданной в польском журнале "Chimera" в 1901 г. (кн. 3, стр. 490-531). В переводе Ремизова статья была опубликована во втором номере "Вопросов жизни" 1905 г. (см. H. Lampl 1978, стр. 325).

[37] Владимир Михайлович Саблин (1872-1916), московский издатель и переводчик. Окончил медицинский факультет Юрьевского института (1896). С 1898 г. переводил современную европейскую литературу (Г. Гауптман, М. Метерлинк, Г. Ибсен). В 1901 г. основал в Москве издательство, которое выпускало "Библиотеку классиков современной мысли". С Ремизовым познакомился в 1901 г., когда задумал журнал "Маяк", к участию в котором Мейерхольд старался привлечь находящихся тогда в ссылке Ремизова, Бердяева и Щеголева. В 1905 г. он предпринял издание газеты "Жизнь", которая была запрещена цензурой за революционное направление и несколько раз меняла название ("Путь", "Жизнь и свобода", "Парус" и др.).

[38] Вячеслав Иванович Иванов (1866-1949) — философ, поэт, ученый, высоко ценимый Ремизовым. Они познакомились в 1904 г. и стали регулярно встречаться с 1905 г., когда Ремизов вернулся в Петербург и работал в журнале "Вопросы жизни". Ему посвящены многие страницы воспоминаний в книгах *Кукха*, *Взвихрённая Русь*, *Встречи*. и недавно опубликованный отрывок в *Петербургских снах* (см. A. Pyman, *Petersburg Dreams*, в кн. *Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer*, Columbus 1987, Slavica Publishers, стр. 69-87).

[39] Четвертая книга альманаха "Северные цветы ассирийские", вышедшая в 1905 г. и высоко оцененная А. Белым в "Весах" (1905 кн. 6, стр. 69-70), была оформлена Н. Феофилактовым в стиле древнего ассирийского искусства (см. О. Д. Голубева, *Из истории издания русских альманахов начала XX века*, "Книга. Исследования и материалы", сб. 3, Москва 1960, стр. 314). В этом номере альманаха Ремизов издал свой "зырянский мир" (см. *На вечерней заре*, стр. 174). О рецензиях на четвертый выпуск

альманаха см. *Русская литература конца XIX-начала XX в. 1901-1907*, стр. 443-444.

[40] *Шурим-бурум* (в других книгах Ремизова *Шурум-бурум*) — не дошедший до нас текст, куда входили "завитушки с тюрьмы до этапа в Усть-Сысольск". В предисловии к книге *Встречи* (Paris 1981, Lev) писатель объясняет значение слова и вспоминает историю уничтожения текста: "Слово "Шурум-бурум" ничего не означает, это татарская выкличка. Когда-то на Москве "князь"-татарин, скупщик старья, идет по улице, выбормачивая "шурум-бурум". "Шурум-бурум" звалось, что заведется в хозяйстве "на выброс", всякая заваль, ветошь, лом. (...). Книга завалилась — годы ее держал Брюсов в "Скорпионе", пробовал я ее исправлять и много мучился, не зная, с какого конца, и кончил тем, что уничтожил в Одессе в апреле 1904 г. " (стр. 9).

[41] Ср. в дневнике 1957 г.: "Еще хочу помянуть "Шурум-бурум", 1897 года. Многолистная тетрадь с тюрьмы. Словесные выражения моих палящих чувств. Эту тетрадь я отдал Брюсову, не рассчитывая что возьмет. Через год Брюсов мне ее вернет с памятными словами. Парчевный лоскут на сером сукне". (Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов*, стр. 318).

[42] О воспоминаниях ссылки *В плену* см. *На вечерней заре*, стр. 178.

[43] Ремизова связывала с датским писателем Оге Маделунгом, которого он называл по-русски Аггеем Андреевичем, длительная дружба.(См. *На вечерней заре*, стр. 164-168). Об издании произведений Маделунга там же, стр. 166.

[44] "Она учила меня немецким словам, откуда и имя "муттер". Сама она окончила немецкую Петропавловскую школу и для нее немецкий был как русский" (*В розовом блеске*, стр. 306). О судьбе матери не раз вспоминал Ремизов в своих книгах: *В розовом блеске*, (стр. 304-308), *Подстриженными глазами* (Париж 1961, YMCA-PRESS, стр., 60-61).

[45] Химера — литературный и искусствоведческий журнал, издаваемый в Варшаве писателем и критиком З. Пшесмыцким в 1901-1908 гг. В "Химере", одном из изысканных европейских литературных журналов, печатались произведения польских модернистов Зейера, Пшибышевского, Лесмяна, Каспровича. О журнале см. рецензию в "Весах" 1905 кн. 2, стр. 73.

[46] Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал (1866-1907), писательница, вторая жена В. Иванова. "Страстная дионисийская натура", она стала душой "Ивановских сред", соединивших философскую и художественную элиту Петербурга. По словам Бердяева, "она не очень много говорила, не давала идейных решений, но создавала атмосферу даровитой женс-

твенности... Политики на "средах" не было, несмотря на бушевавшую вокруг революцию. Мы собирались в исторический 1905 г. Но и в этой исключительно напряженной революционно-политической атмосфере, когда большинство было исключительно поглощено политикой, на "средах" утверждались и отстаивались ценности духовной творческой жизни, поэзии, искусства, философии, мистики, религии". В 1904 г. она опубликовала свою первую драму *Кольца* (Москва, Скорпион), в которой Иванов увидел "характеристические симптомы" новой драмы, возвращающей театр к его "литургической природе" и воплощающей "начало хоровое и религиозно-общинное, или оргийное" (см. *Русская литература конца XIX-начала XX века*, стр. 428). В 1907 г. была издана ее повесть *Тридцать три Урода* (СПб. изд. "Оры"), вызвавшую бурю толков и выдержавшую в первый же год три издания. Зимой 1907 г. она заболела воспалением легких и долго пролежала в больнице. Летом 1907 г. Ивановы проводили в глуши Загорья, дальнего поместья Могилевской губернии, где Л. И. снова заболела скарлатиной в тяжелой форме и скончалась 17 октября. О ее жизни и творчестве см. подробное введение О. Дешарт в кн.: Вячеслав Иванов, *Собрание сочинений*, т. I, Брюссель 1971, Foyer Oriental Chrétien, стр. 7-227.

[47] Роман в 3-х частях С. Пшибышевского *Сыны земли* вышел в Москве в 1905 г. в издательстве "Скорпион", в переводе Е. Троповского и в том же переводе вошел во второй том *Собрания сочинений* Пшибышевского, изданного также "Скорпионом". По поводу прав на издание этого и других произведений Пшибышевского произошло столкновение между "Скорпионом" и В. М. Саблиным. См. "Весы" 1904, кн. 11, стр. 73-74; 1905 кн.1, стр. 84-85.

[48] Михаил Николаевич Семенов - литератор, близкий друг С. А. Полякова (позднее женился на его сестре). Побочный сын деятеля "крестьянской реформы", сенатора Н. П. Семенова, он был состоятельным человеком, опытным в издательском деле. В 1897 г. взял на себя издание близкого к марксизму журнала "Новое слово". В 1899-1901 гг. увлекался переводческой деятельностью и перевел нашумевший роман Пшибышевского "Homo sapiens" (М. 1903) и брошюру Г. Ландсберга "Долой Гауптмана" (М. 1902). Он был членом редакции журнала "Весы"; о его участии в редакционной работе см. К. М. Азадовский и Д. Е. Максимов, "Брюсов и Весы", стр. 258, 272-274.

[49] Петр Петрович Перцов (1868-1947), критик и публицист. Начал свою литературную деятельность в девяностые годы в "Русском богатстве" вместе с Н. Г. Гариным-Михайловским, В. Г. Короленко, Н. К. Михайловским. В 1900-е годы он стал одним из зачинателей движения символистов: издает *Письма о поэзии*, антологию *Молодая поэзия*, со-

ставляет вместе с Вл. Соловьевым сборник *Философские течения русской поэзии*, участвует в религиозно-философских собраниях, сотрудничает в "Северном вестнике" и "Мире искусства". С 1902 г. стал редактором и главным вкладчиком журнала "Новый путь", в котором решающую роль играли Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус. О нем см. И. И. Аброскина, "Письма П. П. Перцова к Блоку", *Литературное Наследство*, кн. 92/1, Москва 1980 Наука, стр. 458.

[50] Федор Иванович Рюккерт, тесть Виктора Ремизова, — берлинский золотильщик, который обосновался в Москве и открыл мастерскую на Таганке (см. Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов*, стр. 76).

[51] Владимир Иванович Ребиков (1866-1920) — композитор и пианист. Один из представителей модернизма в русской музыке. Автор опер "В грозу" по повести *Лес шумит* В. Г. Короленко, "Елка" по Ф. М. Достоевскому (1900) и "Бездна" по Л. Андрееву (1907).

[52] В апрельском номере "Правды" 1904 г. был издан в переводе Серафимы Павловны с малороссийского *Иуда* О. Я. Конисского-Перебенди.

[53] Вероятно, анонимное сообщение "Нам пишут из Одессы" ("Весы" 1904, кн. 5. стр. 73).

[54] В 1904 г. Бердяев и Саблин предполагали открыть новый журнал "Вопросы жизни", в котором Ремизов надеялся сотрудничать. Однако, Саблин отказался финансировать предприятие и проект был реализован в 1905 г. при содействии Д. Е. Жуковского.

[55] С Бердяевым Ремизов встречался в Киеве в июле 1904 г., а затем в сентябре-октябре того же года после поездки философа в Швейцарию и Италию. Тогда Бердяев старался ввести Ремизова в состав редакции "Вопросов жизни", о чем свидельствует письмо к Л. Ю. Рапп зимой 1904-1905 из Киева: "Ремизовых перетаскиваю в Петербург, и это будет для нас большое приобретение. Они могут составить часть приятной атмосферы отношений с людьми и противовес неприятной атмосфере Мережковских" ("Письма молодого Бердяева". Публикация Д. Барас, в кн. *Память. Исторический сборник*, Париж 1981, YMCA-PRESS, кн. 4, стр.244-245).

[56] Надежды писателя "создать себе литературное имя" испарились после опубликования *Пруда*: "Известность сомнительная. Приговор "декадент" говорилось с раздражением. Необычность формы — не по так принятому — "нарочито" и "претенциозно" — оклеивали мои фразы этими ничего не значащими определениями, сменившими "вялость слога" и "недостаток воображения" 30-х годов прошлого века. Соваться в порядочные журналы — Мир Божий, Русское Богатство, Вестник Европы,

Русская Мысль — заказано. И я пошел по задворкам на затычку" (*Встречи*, стр. 13).

[57] Александра Николаевна Чеботаревская (1869-1925), критик и переводчица, близкий друг В. Иванова, с которым она познакомилась в 1903 г., будучи слушательницей его лекций в Русской высшей школе общественных наук в Париже. Автор статьей о Бёклине ("Русская мысль" 1903 № 5) и о художнице М. В. Якунчиковой ("Русская мысль" 1905 №. 4); переводчица книги П. Гиро об известном медиевисте *Фюстель-де-Куланж* (М. 1898) и вместе с сестрой Анастасией Николаевной драмы Метерлинка *Монна Ванна* (СПб. 1903).

[58] Зоя Владимировна Александрова, "лестгафтичка", — одна из вологодских друзей Ремизова. Ей посвящены некоторые страницы воспоминаний в кн. *Иверень* (стр. 262-264).

[59] Драма в 3-х действиях *Кольца* Л. Д. Зиновьевой-Аннибал была издана Скорпионом в Москве в 1904 г. с предисловием В. Иванова и в обложке Н. Феофилактова.

[60] "Золотое руно" и "Для счастья" — пьесы С. Пшибышевского, переведенные Ремизовыми (См. письмо к О. Маделунгу из Одессы от 28.III. 1904 в кн. *Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу*, стр. 24).

[61] Речь опять идет об анонимных письмах ("пензенские хвосты"), которые С. П. получала в ссылке (См. *На вечерней заре*. стр. 168).

[62] В 5-ом номере "Весов" были опубликованы рецензия С. Ещбоева (С. А. Поляков), в которой он резко критиковал перевод Ремизовых пьесы Пшибышевского (см. прим. 5).и анонимное сообщение Ремизова "Нам пишут из Одессы", в котором он объявлял о выставке современных и иностранных художников, открытой в городском музее изящных искусств (стр. 73).

[63] См. прим. 3.

[64] Елена Сергеевна Соколова — дочь брата Ремизова Сергей Михайлович.

[65] Дмитрий Наумович Фридберг - поэт и публицист. Сотрудничал в "Северных цветах" и в "Вопросах жизни".

[66] О первой книге Г. Чулкова (*Кремнистый путь. Стихотворения и поэмы*, Москва 1904 Изд. В. Саблина) писал Брюсов в "Весах" (1904 кн. 1): "Г. Чулков не безнадежен... Но его первая книга — только попытки и опыты, большей частью неудачные".

[67] Перевод *Продавца солнца* французской писательницы Рашильд (Rachilde, наст. фамилия Marguerite Eymery, 1860-1953) был издан в "Новом пути", и затем в *Библиотеке "Театра и Искусства"* 1908 кн.1 , стр. 81-87 (см. H. Lampl 1978, стр. 326).

[68] Оттиски рассказа "Медведюшка. Галин сон", напечатанного в "Новом пути" 1903 кн. 6, а затем вошедшего в кн. *Посолонь*, Москва 1907 Изд. журнала "Золотое руно".

[69] "В белом найденовском доме была огромная библиотека. Книги начал собирать еще мой де́д Александр Егорыч. Впоследствии все эти книги поступили в фонд богатого собрания Московского Биржевого Комитета на Ильинке" (*Подстриженными глазами*, стр. 156). О семье Найденовых и их библиотеке, как центре московских славянофилов см. *Иверень*, стр. 37-48.

[70] *Сыны земли* в переводе Ремизова в печати не появились.

[71] Константин Терешкович — знаменитый художник русского Парижа, примыкающий к группе "Через".

[72] Перевод Чулкова "Пятнадцать песен" М. Метерлинка был издан в "Новом Пути" 1904 г. (кн. 7, стр. 14-29), а затем отдельной книгой в Москве в 1905 г. в издании В. Саблина (рисунки и обложка Шарля Дудлэ) получил одобрительную оценку В. Иванова в "Весах" (1905, кн. 7, стр. 56-57) и резкий отзыв В. Брюсова в статье "Фиалки в тигеле" в том же номере журнала (стр. 9-19).

[73] "Русское богатство" — литературный, научный и политический журнал, издаваемый в 1876-1918 гг. С 1880 г. в редакцию входили писатели народнического направления: Н. Н. Златовратский, Г. И. Успенский, Н. Ф. Божин, В. М. Гаршин и др. Роль журнала в общественной и культурной жизни резко возросла с 1882 г., когда его идейно возглавили Н. К. Михайловский и В. Г. Короленко и "Русское Богатство" стал центром легального народничества; в нем сотрудничали писатели-реалисты Н. Г. Гарин-Михайловский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, К. М. Станюкович, И. А. Бунин, В. В. Вересаев. и критики Н. К. Михайловский, М. А. Протопопов, П. Ф. Гриневич, П. П. Перцов. В 1894-1895 гг. журнал вел острую полемику с марксистами. После революции 1905 г. он стал органом т.н. "народных социалистов", занимавших промежуточное положение между эсерами и кадетами. С 1914 до марта 1917 г. выходил под названием "Русские записки", в 1918 г. был закрыт декретом советской власти.

[74] "Вопросы жизни" — журнал, выходивший в Петербурге в 1905 г., как продолжение "Нового пути". Редакторами его были С. Булгаков, Н. Бердяев, Н. Лосский, Д. Жуковский. Из сотрудников активно участвовали Волжский, Г. Чулков, И. Давыдов, В. Водовозов, Г. Штильман, эпизодически С. Франк, М. Гершензон, С. Прокопович и др. В отличие от "Нового Пути" журнал уделял большое внимание беллетрическому и критическому отделам. Там увидели свет *Мелкий бес* Сологуба, *Пруд*

Ремизова, рассказы Зайцева и Сергеева-Ценского, произведения иностранных авторов (Г. Гауптман, Г. Гофмансталь, А. Жид, А. Франс, Э. По, Э. Верхарн), стихотворения Блока, Белого, В. Иванова, Брюсова. (См. И. В. Корецкая, "Новый путь". "Вопросы жизни", стр. 231-233). В кн. *Встречи* Ремизов так характеризует журнал: "В. Ж. — толстый журнал 1905 года: благонамеренная революция, живописная эстетика прекратившегося "Мира Искусства" (Дягилева-Бенуа); критические переоценки исчезнувшегося "Северного Вестника" (А. Л. Волынский); декадентские отщипки московского "Скорпиона" (В. Я. Брюсов); религиозно-философские курбеты Мережковских, наследство "Нового пути"; стихи А. А. Блока, разжиженная пародия на монументальных "Головлевых" — роман Ф. К. Сологуба *Мелкий Бес*, фаллические гастроли В. В. Розанова и внутреннее обозрение — В. В. Водовозов и Г. Н. Штильман — на улице Революция! Редакторы: отставные марксисты — Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков (тогда еще не о. Сергий, а Сергей Николаевич). Издатель — Д. Е. Жуковский" (стр.150). Воспоминания о своей работе в редакции журнала Ремизов включил в книгу *Кукха. Розановы письма* : "В январе 1905 г. с нас было снято запрещение Москвы и Петербурга и в феврале мы переехали из Киева в Петербург. Прямо на место в редакцию "Вопросов жизни" в Саперный переулок: я — заведывать хозяйством. Нам дали две комнаты в редакции с освещением и отоплением и 40 руб. жалования... Всякий день с 8 часов утра и до позднего вечера ходил я по хозяйству в счетах, расчетах и разговорах, да и так, где меня совсем не требовалось, с писателями, которые ждали Чулкова по делам редакции" (стр. 11-12).

[75] Волжский (Александр Сергеевич Глинка, 1878-1940), публицист, литературный критик. Учился на Юридическом факультете в Москве. В 1901 г. за участие в студенческих волнениях был сослан в Симбирск, где занимался литературной деятельностью: им написаны были, в частности, *Два очерка об Успенском и Достоевском* (1902), *Очерки о Чехове* (1903). Сначала находился под идейным воздействием Н. К. Михайловского; затем под влиянием Достоевского заинтересовался религиозно-философскими проблемами. Автор книг *Гаршин, как религиозный тип* (М. 1906), *Ф. М. Достоевский. Жизнь и проповедь* (М. 1906), *Из мира литературных исканий*. Сборник статей (СПб. 1906). Как редактор, участвовал в советских изданиях собраний сочинений Г. Успенского и А. Чехова.

[76] Живопись всегда занимала в мировозрении Ремизова важное место; в дневнике 1957 г. он пишет: "Искусство создает реальность. Мы видим мир глазами живописи, скульптуры. А слово, за словом гармония музыкальных произведений. Реальность меряется искусством. Чем больше зорких глаз, тем шире и разнообразнее реальность. Мы смотрим на мир глазами Леонардо да Винчи, Рафаэля, Гойа, Матисса, Пикассо..." (см. Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов*, стр. 307).

[77] Партия Демона в одноименной опере Антона Рубинштейна была одной из лучших в репертуаре И. В. Тартакова (1860-1923).

[78] См. *Книга записей С. П. Ремизовой-Довгелло* (III, стр. 43): "после Одессы Зверинец около Киево-Печер. Лавры под ее колокол. Потом Без(з)аковская. Пожар. О. Сергей Булгаков, Н. А. Бердяев. Решение нашей судьбы — переезд в Петербург. Вопиющая бедность".

[79] Семья Серафимы Павловны не одобрила ее замужества: причины этого внук писателя Б. Б. Бунич-Ремизов находит в купеческом происхождении Ремизова, в его необычном поведении, которое вызвало подозрение в психическом нездоровии, и в странных отношениях молодых супругов (ср. *Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу*, стр. 30).

[80] В сезоне в Тифлисе, который открылся 26 сентября пьесой *Три сестры* Чехова, Ремизов не участвовал..

[81] Перевод *Филоктета* А. Жида появился в журналу "Вопросы жизни" 1905 г. (кн. 3, стр. 183-204), и затем отдельно в издании журнала "Театр и Искусство" в 1908 г. с рисунком Бердслея на обложке.

[82] О хозяине часового магазина в Вологде, С. Л. Сегале, см. *На вечерней заре*, стр. 157.

[83] "Театр и Искусство" — один из самых популярных театральных изданий, выходивший еженедельно в Петербурге с 1897 до 1918 г. Редакция журнала особенно подчеркивала связь театрального искусства с литературой. Организатором, редактором и ведущим критиком журнала был А. П. Кугель, для которого театр — это "литература, воспроизводимая на сцене". В журнале активно сотрудничали А. А. Измайлов, Н. И. Николаев, Н. Е. Эфрос, С. Сутугин и П. М. Ярцев; здесь писал театральную хронику под псевдонимом П. Павлов также П. Е. Щеголев, друг Ремизова из Вологды (См. *Иверень*, стр. 245). Об эстетическом направлении журнала см. Л. Н. Иокар, "Театральные журналы" в кн. *Литературный процесс и русская журналистика конца XIX-начала XX века. 1890-1904*, Москва 1982, Наука, стр.312-329.

[84] "Мир искусства", журнал издававшийся в Петербурге с 1899 по 1904 г. кружком молодых художников и критиков (А. Бенуа, С. Дягилев, К. Сомов, Л. Бакст, Д. Философов, В. Нувель), мечтавших возродить русское искусство. О его значении, как одном из влиятельных центров духовной и художественной жизни России начала века см. Г. Ю. Стернин, *Художественная жизнь России на рубеже XIX-XX веков*, Москва 1970, Искусство; И. В. Корецкая, "Мир искусства", в кн. *Литературный процесс и русская журналистика конца XIX-начала XX века. 1890-1904*, стр.129-178.

[85] Владимир Анатольевич Жданов — друг Ремизова в Вологде, адвокат, который выступал защитником на процессах эсеров-террористов, и в частности защищал Каляева, а также Савинкова на процессе 1906 г. в Севастополе (См. Б. Савинков, *Воспоминания*, "Былое" 1918 кн. 29, стр.

92 и кн. 30, стр. 13). В его доме в Вологде обычно устраивались прощальные вечера в честь уезжающих (см. *Иверень*, стр. 250).

[86] О жизни в "подполье" см. *На вечерней заре*, стр. 157-168.

[87] Мария Федоровна Эгельштейн, первая жена Маделунга.

[88] Жилинский — музыкант, упомянутый среди вологодских ссыльных в *Иверне* (стр. 247).

[89] Адам Дионисович Рабчевский (умер в 1907 г.), член киевского кружка с.-д., товарищ Луначарского. Упомянут в *Иверне* (стр. 244-246): о нем "шла слава, как о будущем знаменитом адвокате ("на одном собрании два часа без передышки говорил!"), писал стихи, но не печатал и занимался, как помощник, у б. ссыльного присяжного поверенного Николая Васильевича Сигорского".

[90] Из всех старинных русских повестей *Повесть о Бесноватой Соломонии* — "самая демоническая и самая документальная — живая жизнь с живой верой, и только по своему необыкновенному матерьялу полна фантастики" — крайне близкая Ремизову тема, которой он посвятил художественный пересказ и несколько рисунков (см. "История повести" в кн. *Бесноватые. Савва Грудцын и Соломония*, Париж 1951 Оплешник, стр. 91).

[91] В начале 1904 г. датский писатель О. Маделунг собирался перевести вместе с Ремизовым и издать роман Иоханнеса В. Енсена (Johannes V. Jensen) *Madame D'Ora*. Однако задуманный перевод не осуществился и в печати ("Весы" 1904, кн. 5, стр. 50-52) появилась только рецензия О. Маделунга на роман (см. *Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу*, стр. 65-68).

[92] "А была у нас икона, ее С. П. очень любила, "Трех Радостей" (Богородица с Младенцем, Иосиф и Иоанн Креститель), московский образ, золотая риза" (*В розовом блеске*, стр. 346).

[93] Рассказ был опубликован в сборнике *Подорожие*, СПб. 1913, изд. Сирин, а затем в кн. *Зга. Волшебные рассказы*, Прага, 1925, изд. Пламя.

[94] Вероятно, Biographical History of Philosophy (2 vv., 1845-1846) английского философа и писателя George Henry Lewes. О нем см. также *На вечерней заре*, стр.180

[95] Ср. *В розовом блеске* , где С. П. описана под именем Оли: "Оля научилась переплетать и однажды Щеколдин предложил мне, будто бы от Оли, переплести что-нибудь; я дал Историю философии Люиса. И не скоро, а вернулась мне книга в переплете — "декадентский", не смеясь смеялся Щеколдин: одна сторона синяя, другая желтая, а корешок красный под кожу в пупырышках. Храню эту единственную память, пусть сделанное на смех.." (стр. 291).

[96] Александр Рафаилович Кугель (1864-1928, Н. Негорев, Homo novus), публицист, драматург, театральный критик и вдохновитель журнала "Театр и Искусство", где вел постоянный цикл "Театральных заметок" и

печатал множество статьей по вопросам театра и литературы. Сторонник "актёрского театра" и непримиримый враг "режиссёрского засилья". В 1908 г. совместно с артисткой З. В. Холмской основал театр сатиры и литературно-театральных пародий — "Кривое зеркало", который руководил до 1928 г. Автор книг воспоминаний *Листья с дерева* (Ленинград 1926) и *Отклики на смерть* (Ленинград 1928). О его взглядах на театральное искусство см. Ю. К. Герасимов,*Очерки истории русской театральной критики. Конец XIX- начало XX века*, Ленинград 1979, стр. 70-90.

[97] Великие Четьи-Минеи — свод древнерусской церковной литературы в 12-ти томах, составленный в середине XVI в. по инициативе митрополита Макария, которые были частично переизданы в 1868-1917 гг. Археографической комиссией. В найденовской библиотеке в Москве хранились Четьи Минеи, о которых не раз пишет Ремизов (см. *Подстриженными глазами*, стр.121-122).

[98] Варвара Сергеевна Ремизова Глазунова — дочь ярославского писчебумажного фабриканта, жена Николая, старшего брата писателя. Их дети Галина и Александр (см. Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов*, стр. 74).

[99] В доме Николая Ремизова было много животных, в том числе обезьяна, которую звали "Обезьян Иванович" (см. Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов*, стр. 75).

[100] Отзвук на чтение Куприным романа *Пруд* находится в рецензии, написанной в 1908 г.("Современный мир" кн. 7) по поводу выхода романа Ремизова *Часы* (А. И. Куприн, *Собрание сочинений в 9-ти томах*, Москва 1973 Худ. литература, т. 9, стр. 99)

[101] Евгений Васильевич Аничков (1866-1937), литературовед и фольклорист, последователь исторической поэтики А. Н. Веселовского. Автор фундаментальных работ *Весенняя обрядовая песня на Западе и у Славян* (тт. I-IV, 1903-1905) и *Язычество и древняя Русь* (1914), основанных на сравнительном анализе обрядов славянских и западноевропейских народов. После Октябрьской Революции жил в Югославии и преподавал в университетах Белграда и Скопье.

[102] Третья *Книга записей С. П. Ремизовой-Довгелло* содержит очерки о жизни в Вологде и Киеве и о знакомых Ремизовых. О хозяйке квартиры на Зверинце длинная запись С. П.: "Лето 1904 г. мы жили в Киеве на Зверинце около Киево-Печерской Лавры. Уже была Наташа. Мы снимали комнату в деревянном доме Хорошиловых. Комната и кухня — вот и дом. Хозяйка, Анна Григорьевна, возраста чуть помоложе моей матери, когда-то "революционерка" — "ходила в народ" и сохранила вид "нигилистки", да и в отзывах другой раз такое ляпнет — Писарев постеснялся б, что-то от Лесковской замечательно описанной в "Некуда", этой прошедшей до конца все "Пятикнижие" с Бюхнером, Фохтом, Малешотом, ну не в подлинниках, а в переводе и изложении, а главное поверившей до конца и несомненно. Муж ее помер, а была дочь, замужем за Кон-

доуровым. Мы жили очень бедно — так бедно, ни один печерский давший обет нестяжания монах не мог бы и вообразить себе нашей крайней нужды. За комнату мы платили очень мало — но ведь и на это надо было достать как-то. И тут старая революционерка нас и выручала. Урок достала С. П.-е и я что-то делал, только не помню какую-то "домашнюю работу", а так ведь я писал и нянчил Наташу" (стр. 12).

[103] Неприспособленность к жизни, "робость и полная растерянность" являются чертами литературного автопортрета, "маски" Ремизова в годы парижской эмиграции (ср. Н. В. Резникова, *Огненная память*, стр. 133-141; А. Синявский, "Литературная маска Алексея Ремизова", в кн. *Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer*, стр. 25-39). "Автобиографические" страницы таких книг, как *Подстриженными глазами, Учитель музыки, Иверень*, пронизаны отчаянием, чувством загнанности и отщепенства.

[104] *Будем как солнце. Книга символов* К. Бальмонта вышла в Москве в изд. "Скорпион" в мае 1903 г. и в полгода разошлась в количестве 1800 экземпляров. Об успехе книги и об оценке Бальмонта как "самого значительного поэта" в журнальных отзывах см. *Русская литература конца XIX-начала XX века. 1901-1907*, стр. 394.

[105] Ремизов намекает на "значительное событие" в жизни Бердяева: встречу с его будущей женой Лидией Юдифовной Рапп (188?-1945), которая тогда была замужем за Е. И. Раппом; фамилию Бердяева она стала носить с 1909 г. (См. "Письма молодого Бердяева". II. Письма будущей жене Лидии Юдифовне Рапп. 1904 г., в сб. *Память*. кн. 4, стр.220-245). В *Самопознании* Бердяев посвятил жене лишь несколько строк: "Осенью 1904 г. я переехал в Петербург для редактирования нового журнала. Перед моим отъездом в Петербург произошли значительные события в моей жизни, которые ее изменили. Лето 1904 года имело большое значение в моей жизни. В это время я встретил друга моей жизни Лидию. Она по натуре была душа религиозная, но прошедшая через революционность, что особенно ценно. У нее образовалась глубина и твердая религиозная вера, которая не раз поддерживала меня в жизни. Она была человеком необыкновенной духовности. Перед смертью она приблизилась к святости. В разгар коммунистической революции она перешла в католичество и сначала пережила период католичества фанатически нетерпимого. Потом ее религиозная направленность стала мне более близкой. Она признавала себя членом церкви св. Духа. Она обладала несомненным поэтическим даром, периодически у нее являлось поэтическое вдохновение и она писала интересные стихи. Кое-что было напечатано, но охоты печатать у нее не было. М. Гершензон и В. Иванов ценили стихи Лидии. Как много событий было пережито вместе! Больше сказать обо всем этом не входит в задачу книги" (стр. 147).

[106] Анна Александровна Сигорская, жена присяжного поверенного Николая Васильевича Сигорского, адвоката в Вологде, упомянутого в "Северных Афинах" (*Иверень*, стр. 246).

[107] Илья Аронович Тотеш — "турецкий поэт", друг Ремизова в Херсоне, "восточный гость", упомянутый в кн. *Встречи* (стр. 197- 202): "Тотеш — херсонский, первый суконный магазин, отец его, если не голова, то во всяком случае, один из столпов города, имя известное. В провинции театр приманка. Так мы познакомились с Тотешем, и он часто бывал у нас" (стр. 199).

[108] О боязни улицы см. *Подстриженными глазами*, стр. 9-11.

[109] *Дедушка* Стефаника был переведен Серафимой Павловной и напечатан в "Новом пути" 1904, кн. 9 (см. *Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу*, стр. 31-32).

[110] Л. Д. Зиновьева-Аннибал, *Кольца*. Драма в 3-х действиях. Пред. Вячеслава Иванова, обложка Н. Феофилактова, Москва 1904 "Скорпион".

[111] Вероятно, перевод пьесы С. Пшибышевского *Мать*, изданный в кн. С. Пшибышевский, *Полное собрание сочинений* , т. IV, Москва 1905, Изд. Саблина, стр. 145-210. Имя Ремизова, как переводчика, не указано (см. H. Lampl 1978, стр. 325). Постановка этой пьесы Мейерхольдом не была осуществлена.

[112] Отокар Бржезина (Otokar Březina, наст. имя Václav Jebavý, 1868-1929), чешский поэт религиозного направления. Его первые стихотворные и прозаические опыты 90-х годов обнаруживают влияние философии Шопенгауера и поэзии Бодлера. В поэтических сборниках *Таинственные дали* (Tajemné dálky, 1895) и *Рассвет на западе* (Svítání na Západě) он выступал как наиболее видный представитель чешского символизма. В сборниках *Ветры с полюса* (Větry od pólu, 1897), *Строители храма* (Stavitelé chrámu, 1899) и *Руки* (Ruce, 1901) он провозглашал идеи космической любви и всеобщего братства.

[113] Сукеннице — торговые ряды в старом Кракове (XIII-XIX вв.).

[114] Станислав Выспянский (Stanislaw Wyspiański, 1869-1907), польский драматург, поэт, художник, театральный деятель. В 1890-1894 гг. заграницей изучал живопись во Франции; член близкой Ремизову группы "Mloda Polska". С 1897 г. член организованного в Кракове нового общества художников "Искусство" ("Sztuka"). Автор известных проектов витражей и поликромной росписи францисканского костела в Кракове. О деятельности Выспянского в польской художественной среде начала века см. M. Wallis, *Secesja*, Warszawa 1974 Arkady, стр. 105-114.

[115] Дніпрова Чайка (наст. фам. Людмила Алексеевна Васильевская, урожд. Березина, 1861-1927), украинская писательница демократического направления. Родилась в семье священника. Работала учительницей. Выступала в печати стихотворениями в прозе, рассказами, миниатюрами, где описывала тяжелую жизнь крестьянства, быт интеллигенции и события революции 1905 г.

[116] Лев Шестов (Лев Исаакович Шварцман, 1866-1938), философ и литературный критик, один из самих близких друзей Ремизова в России и в эмиграции. "Как один из старших моих братьев, Шестов учил меня житейской мудрости на манер Гофмановского кота Мура" (*Учитель музыки. Каторжная идиллия.* Подготовка к печати, вступительная статья и примечания А. д'Амелия, Paris 1983, La Presse Libre, стр. 495).

[117] Сергей Николаевич Булгаков (1871-1944), философ, богослов, друг Бердяева, с которым редактировал сборник "Вехи". С 1918 г. священник, организовал общество "Святой Софии"; с 1922 выслан из России, жил в Праге и позднее в Париже, где стал профессором Богословского Института (1925-1944).

[118] Георгий Иванович Челпанов (1862-1936), известный философ и психолог, основатель и директор Московского психологического института (1912-1923) Был профессором Бердяева, который вспоминает о нем в книге *Самопознание* : "с большим успехом читал курс по критике материализма. У него собирались по субботам, я часто у него бывал и мы вели длинные специальные философские разговоры... Челпанов в философии был прежде всего педагогом" (стр. 132-133).

[119] Василий Васильевич Водовозов (1864-1933), экономист и публицист; сотрудничал в "Новом Пути", где вел отдел "иностранное обозрение" и в "Вопросах жизни". С 1920 г. в эмиграции, сотрудник газеты "Руль". Автор статей по социальной экономии и политической истории. О нем вспоминает Ремизов в кн. *Встречи* (стр. 66).

[120] Николай Максимович Минский (наст. фам. Виленкин, 1855-1937), поэт символист и публицист; выступал в конце 1870-х гг. под знаком народничества; в 1884 г. в киевской газете "Заря" напечатал нашумевшую статью "Старинный спор", первую в России программу декадентов. Создатель философской теории "меонизма". После революции 1905 г., был редактором первой легальной большевистской газеты "Новая жизнь"; был арестован и эмигрировал во Францию. После Октябрьской революции жил в Берлине, в Лондоне (работал в советском полпредстве) и в Париже. Переводчик *Илиады* Гомера (1896) и произведений Верлена, Шелли, Байрона и Флобера (*Саламбо*, 1913).

[121] Николай Константинович Мукалов, ссыльный в Вологде, упомянутый Ремизовым в *Иверне* : "награжденный серебряными медалями за спасение утопающих" (стр. 247). Друг детства Н. А. Бердяева, который о нем пишет в кн. *Самопознание*: "Единственным товарищем моего детства был моряк Н. Мукалов, которому мой отец помог окончить образование. Я был очень к нему привязан и отношения сохранились на всю жизнь. Он стал как бы членом нашей семьи. Впоследствии он стал очень заслуженным моряком, совершал экспедиции. Он был вместе со мной в ссылке в Вологде (стр. 22). О нем см. также "Письма молодого Бердяева", в сб. *Память*. кн. 4, стр. 211-219.

[122] О дружбе писателя с А. А. Архангельским см. *На вечерней заре*, стр. 177.

[123] В анонимном сообщении "Нам пишут из Киева" ("Весы" 1905, кн. 1, стр. 82-83), Ремизов упоминает выставку скульптур польского художника Болеслава Бегаса (Boleslaw Biegas), открытую в Киевском музее древностей и искусств. Участник венского Сецессиона, Б. Бегас был известен в России также как писатель (см. рецензию В. Перемиловского на его автобиографию *Graczak*, изданную в "Весах" 1906 кн. 5, стр. 74-76). В февральском номере "Весов" была напечатана статья Ремизова "Письмо из Киева", где описывается Киевский Художественно-промышленный и научный музей (стр. 41-42), позднее перепечатанная в кн. *Крашеные рыла* (Берлин 1922, изд. Грани, стр. 115-116).

[124] Рецензия Ремизова "По поводу книги Льва Шестова *Апофеоз Беспочвенности*" была напечатана в "Вопросах жизни" 1905 кн. 7, а затем вошла в книгу *Крашеные рыла*.

[125] Елена Ивановна Булгакова Токмакова — жена С. Н. Булгакова. Сотрудница "Вопросов жизни". Автор книги *Япония и японцы* (Ростов на Дону 1905, изд. Н. Парашонова) и исторической повести *Царевна Софья* (Paris 1933 Imprimerie Basile).

[126] Бронислава Матвеевна Рунт — свояченица В. Я. Брюсова. В 1905 г. секретарь редакции "Весов", где выступала с небольшими рецензиями под псевдонимом Б. Р.

[127] См. письмо Ремизова к О. Маделунгу из Киева от 13. 9. 1904 г.: "Я начал этюды к повести "Часы". Но за минутами — часами — днями — ночами забот пишется только вспышками" (*Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу*, стр. 31); см. также посвящение на экземпляре С. П., свидетельствующее о тяжелых условиях создания этого романа: "О происхождении *Часов*: это самое больное, о чем со стыдом вспоминаю: это в Киеве — когда ты кормила Наташу и на уроки ходила, а я писал. Была еще большая тетрадка — там в роде стихов — тогда же — обрабатывалась". (Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов*, стр. 163).

[128] *Иуда* не был издан в "Северных цветах" (См. *На вечерней заре*, стр. 174-175).

[129] Логач, ссыльный в Устьсысольске, упомянутый в *Иверне* (стр. 247).

[130] "Искусство" — ежемесячный журнал, выходивший в Петербурге в 1904-1905 гг.; редактором (совместно с С. А. Соколовым) и издателем был Н. Я. Тароватый. Журнал ставил своей задачей — "развитие в русском обществе самосознания в вопросах искусства", однако никакой определенной программы не выработал. В журнале участвовали Л. Андреев, К. Бальмонт, В. Гофман, С. Маковский, К. Сомов и др. Когда в 1905 г. издание прекратилось, его наследником отчасти явился московский литературно-художественный журнал "Золотое Руно", которое выходил с 1906 г. при ближайшем участии тех же С. А. Соколова и Н. Я. Тароватого.

[131] *Полное собрание стихов* (I том : "Под северным небом", "В безбрежности", "Тишина") К. Д. Бальмонта вышло в Москве в 1905 г. в издании "Скорпион". *Жало смерти. Земле земное. Обруч. Баранчик. Красота. Утешение.* — *Рассказы* Ф. Сологуба вышли в Москве в том же издании в июле 1904 г. О сборнике Сологуба с издевкой написал А. И. Богданович в журнале "Мир Божий " (1904, кн. 11), в то время как В. Иванов в "Весах" (1904, кн. 8) восхитился книгой "русской по обаятельной прелести и живой силе языка..." и "французской... по мастерству ее изысканной, в своей художественной простоте, формы" (см. *Русская литература конца XIX-начала XX века. 1901-1907*, стр. 426).

[132] В. М. Саблин издавал драмы Пшибышевского и роман *Сыны земли* в переводах не авторизованных автором (ср. прим. 47).

[133] Вероятно, речь идет о тексте *Мгла*, изданном под псевдонимом Н. Молдаванов в "Курьере" 22. 9. 1902 г.

[134] О жизни и работе при редакции "Вопросов жизни" пишет Ремизов Маделунгу в феврале 1905 г.: "Наш дом при редакции — 2 комнаты с освещением и отоплением. Я веду бухгалтерию, получаю в месяц 35 руб. С. П. поручили корректуру по 1 руб. за лист, в общем руб. 40 набежит в месяц" (*Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу*, стр. 33). И в кн. *В розовом блеске* он весело вспоминает свою жизнь "заведующего конторой" : "Я был не только заведующий конторой, а и всем редакционным хозяйством — дворецкий — домовой. Образцовый порядок, каждая вещь на своем месте, бухгалтерия, по бумажным и типографским счетам без задержки, а гонорары выплачивались до выхода книги после верстки и редко за кем из сотрудников не числится аванс, конторские барышни блестят, как паркет и все двенадцать окон, конторские мальчики, нагуляв себе рожи, наскакивали, лупя друг друга, как жеребята, ни одной жалобы, ни косого взгляда, в комнатах тепло, полное освещение и смех" (стр. 299).

[135] Дмитрий Евгеньевич Жуковский, философ, владелец издательства "Образование", участник сборника *Проблемы идеализма* (Москва 1902), в 1905 г. издатель журнала "Вопросы жизни". Был женат на поэтессе Аделаиде Герцык. Его имя часто встречается в воспоминаниях Ремизова, в кн. *Иверень*, *Кукха*. ("замечательный человек, философ, микробиолог", стр. 11) и *В розовом блеске*: "Хозяин Дмитрий Евгениевич Жуковский, издатель неподъемных кирпичей Куно Фишера, философ, сам не писал, а любил в философских разговорах вставить замечание о трансцендентном, по образованию зоолог. У Дмитрия Евгениевича была страсть покупать имения... Исколесил всю Россию, сюжет Гоголем не предвиденный" (стр. 301).

[136] О Ганне, "берестовецкой девочке няньке", которая жила с Ремизовыми при редакции и скучала по своему малороссийскому саду, см. *В розовом блеске*, стр. 299.

[137] Воспоминания совместной с Чулковыми жизни в редакции Ремизов собрал в главе "Колония" в кн. *Кукха* (стр. 11-15).

[138] Палкин — знаменитый ресторан на Невском проспекте, д. 47.

[139] Казимир Людвигович Тышка — ссыльный в Солвычегодске, упомянутый в кн. *В розовом блеске* под именем Заруцкого (глава "Непоправимое", стр. 291-297). "О нем особенная память: человек тончайшей души и одаренный; моя мечта: то немногое, что осталось — "рассказы" — издать отдельной книгой с портретом; какое прекрасное лицо!" (*Иверень*, стр. 248). К. Л. Тышка покончил самоубийством 21 марта 1902 г. Трогательно о нем вспоминает Серафима Павловна в своих записях (*Книги записей С. П. Ремизовой-Довгелло*, III, стр. 16-30).

[140] Бердяевы устроились в Саперном переулке, на третьем этаже, в бывшей редакции "Нового пути" и "Вопросов жизни".

[141] Владимир Валерьянович Татаринов с женой Любовью Николаевной, ссыльные в Вологде, упомянуты Ремизовым в *Иверне* (стр. 245).

[142] В первом номере "Весов" 1905 г. было опубликовано анонимное сообщение Ремизова о выставке скульптур Б. Бегаса (см. прим. 123) и объявление о последних постановках Мейерхольда: "В Тифлисе в Театре Артистического Общества "Товариществом Новой Драмы" (дирекция Вс. Э. Мейерхольда) поставлены пьесы, на русской сцене впервые: "Женщина в окне" Гуго Фон-Гофмансталя (14 дек.) и "Шлюк и Яу" Г. Гауптмана (26 дек.)".

[143] Ср. *Кукха. Розановы письма*: "Год 1905 я ничего не писал, отдавшись своему званию завхоза или домового, как тогда это называлось" (стр. 11).